1970

Автор:
Евгений Щепетнов

1970

Евгений Владимирович Щепетнов

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Писатель-фантаст Михаил Карпов, бывший снайпер ОМОНа, в 2018 году попадает в страшную автокатастрофу, теряет сознание и чудесным образом приходит в себя в 1970-м. Это год его рождения. Карпов бродит по родному Саратову, любуется чистой полноводной Волгой, лакомится настоящим мороженым, вспоминая детство, и пытается понять, чего хочет от него Провидение. Он считает, что в прошлое его забросили высшие силы… но с какой целью? Неужели его миссия в том, чтобы сохранить от развала Советский Союз? После некоторых сомнений и колебаний Михаил решает: да, он посвятит свою жизнь спасению СССР. Да и писателем-фантастом в Стране Советов быть гораздо выгоднее…

Евгений Щепетнов

1970

© Щепетнов Е. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также

использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Евгений Владимирович Щепетнов – современный российский писатель, автор книг в жанре фантастики и фэнтезии. Родился в 1961 году. Работал геологом и нефтяником, служил в милиции, был предпринимателем.

Писать начал в 2011 году, просто для души.

Профессионально занялся писательским ремеслов в 2012 году, в январе, выложив главы превой книги в стиле фэнтези на Самиздат.

В настоящий момент написано более 50 романов.

Остальные ждут очереди в печать.

Хобби: кладоискательство, охота, дайвинг.

Пролог

Пустая, без пассажиров «Нива» со снятым задним сиденьем выстреливается с места не хуже мощной иномарки. Ну а что? – движок 1700 кубиков, а вес… ерундовый вес. Тем более что колесные диски чуть меньше диаметром, чем положено, – от «Шеви-Нивы». Они на «Ниву-коротыш» становятся легко и приятно, а на них – внедорожный «кордиант оф роад». Самое то, чтобы лазить по грязище почти без опаски. Так-то машина на самом деле дрянь – ломучая,

довольно-таки дорогая в ремонте, но есть у нее одно неоспоримое качество: она проедет там, где встанет девяносто процентов всех легковых внедорожников. Особенно если слегка приспустить давление в колесах.

А вот ехать в ней куда-то далеко – мучение. Хотя, если ты поставил сиденья от «Опеля», все не так уж и печально. Все-таки не штатные нивовские сиденья, на которых ты проваливаешься до самого пола, – кажется, что не сидишь в машине, а елозишь задом по земле. Одно только плохо – при росте в сто восемьдесят семь сантиметров ты неизбежно упираешься макушкой в потолок. А еще чертов руль постоянно трет тебе правое колено, и садиться в эту машину в светлых брюках категорически противопоказано, штаны тут же приобретут веселенькое грязное пятно, и будешь ходить по городу как позорный грязнуля-неряха.

Конечно, хотелось бы ТЛС-80, или ТЛС-150, или «хайлюкс», а к ним еще квадрик «Хонда», но… «где деньги, Зин?!». Пенсия да приработок в виде гонораров за книги – и больше ничего!

Сторожем пойти работать? За пятнадцать тысяч (в лучшем случае) в месяц? Да не смешите мои тапки!

В такси пойти? Ой, нет… имеется такой опыт. Прирабатывал! Бросил, когда понял: следующего пассажира просто убью. Если он, зажав в потной ладошке бумажку достоинством в сто рублей, сообщит, что купил меня полностью, со всеми моими потрохами!

Да и невыгодно стало. Цены на услуги такси сделались такими низкими, что это даже не смешно. Бить свою машину (которой у меня еще и нет!), работая на ней в такси? За такие гроши, что в конце концов эту самую машину не на что будет ремонтировать? Да пошли вы к чертовой матери, с такими-то расценками!

Альтернативы «Ниве» нет. Увы. А гонораров и пенсии с трудом хватает, чтобы вести более-менее приличное существование. «Приличное» – это не поездки на курорты и не ежедневный обед в ресторане. Это хорошая еда, это коммунальные услуги, горючее для машины и более-менее приличная одежда.

И деньги на спортзал. В свои сорок восемь я в прекрасной физической форме. И только потому, что регулярно, через день хожу в спортзал, где тягаю железо и колочу по боксерскому мешку. Сто десять килограммов, и совсем немного жира.

Не больше, чем нужно для организма, если можно так сказать.

Жена как-то ругалась, что меня по заду хлопнуть – себе дороже! И тем более пнуть! Руку отшибешь, а ногу сломаешь – зад мой как чугунный. Нет, ну а что ты хотела, чтобы твой муж, бывший омоновец, ходил эдакой кучкой желе? Трясся и колыхался, как гребаный холодец? Это себя не уважать. С самой юности, с четырнадцати лет – то дзюдо, то бокс, а в армии – рукопашка. И когда после службы в ОМОН пошел служить, – там то же самое. Только не для «галочки», а от души.

Люблю я руконогомахание, люблю ножи и стволы. Кровь такая… казацкая. Отец из донских казаков, так что… никак иначе. Он меня учил стрельбе, был главой стрелковой секции. Мне вообще тогда десять лет было, пистолет Марголина в руке дрожал, рука слабая, – но стрелял я отлично. Талант, однако. Куда целюсь, туда и попадаю. Потому и загремел в конце концов в снайперы…

Ну а теперь форму поддерживаю, хотя вроде бы уже и незачем. В сорок пять я уволился со службы – служил в ОМОНе.

«Поучаствовал», да. Снайпером.

Три ранения – одно ножевое, два огнестрельных. Мелкие осколочные не считал.

Медали есть. Ордена не заработал – видно, рылом не вышел. А теперь – хватит. Для себя живу. Для себя и для своей семьи.

От воспоминаний меня оторвал придурок на беленькой, начищенной до блеска иномарке. Справа у обочины приткнулась фура, из которой два унылых грузчика в синих комбинезонах доставали емкости с пивом, а придурок на иномарке в правом ряду вдруг решил стартануть и обогнать «эту камуфляжную каракатицу» «Ниву», моего боевого дракона, как я ее называю. А тут – фура! И придурок нацелился меня подрезать, чтобы увернуться от столкновения с фурой, но я как ехал, так и продолжал ехать по прямой. В левом ряду. Ну, так получилось – в левом. Не люблю в левом ездить – опасно это! Не для того я в зеленке выжил, чтобы погибнуть на поганой дороге в провинциальном областном городе! Но пришлось обгонять у поворота вправо, и к перекрестку пришел в левом ряду. Из него и стартанул – по привычке выкрутив из машины все ее ресурсы, что мог выкрутить. Тоже привычка – может машина стартовать,

как из пращи, так почему я должен медленно, попердывая, как «дача-мобиль», трогаться с места? Бежать так бежать! Стрелять так стрелять! И никак иначе! ОМОН – вперед!

В общем, мою «Ниву» он бить не решился («о такое дерьмо мараться!»), фуру таранить – тоже. Успел затормозить. Ну а дальше и понеслось! Я в правый ряд ушел, как обычно, он же начал с левого ряда свои выкрутасы – подрезать, тормозить.

Ну и затормозил. Выскочил мажорчик такой, в темных очках – они себе в темных очках кажутся такими крутыми, – в маечке, трениках. Нет, не в трениках с вытянутыми коленками «прощай, молодость». В тех, что стоят тысяч пять за одни штаны. Кто-то, вероятно, скажет, что это мало, – «ну и что такого, всего пять тысяч!». Но для пенсионера вроде меня – это деньги. И я не буду покупать себе треники за пять тысяч.

Парнишка агрессивный такой… с ходу мат-перемат, «да ты… да я… да маму…». Вот маму не надо было трогать. Впрочем, как и меня. Толерантностью я точно не отличаюсь. А габариты соответствующие. И еще – у меня полностью отсутствует страх всяческих разборок. Утерял я его в процессе эволюции! Эволюционировав от худенького и мелкого домашнего ребенка в звероподобного омоновца.

Это жена так шутит: «Звероподобный омоновец! Значит, я сплю с чудовищем?! А не есть ли это зоофилия?!» Ржем. Кто услышит со стороны – скажет, что спятили мы на склоне лет.

В общем, пришлось выйти. Думал, что придурок успокоится, когда я перед ним встану, но… нет! То ли обкуренный, то ли вообще крышу снесло от безнаказанности – «папаша отмажет». Только этот идиот не нашел ничего лучше, чем напасть на стреляного, резаного, битого омоновца, живущего на дохлую пенсию и не менее дохлые гонорары от книжек. А значит, злого, безжалостного – как мангуст, расправляющийся с коброй.

Он изобразил что-то вроде прямого правой мне в челюсть, очень медленно, просто-таки патологически медленно. Такого, как я, следует глушить бейсбольной битой, и лучше всего – со спины. И тихо, чтобы я не увидел. Потому что если увижу – тебе трендец. Я тебе эту биту в анус засуну!

Кстати, двое дружбанов этого придурка крадутся сбоку от меня, и один из них точно держит в руке что-то вроде биты.

Ну давай, давай, идиот! Ох, щас я на законных основаниях оторвусь по полной! Кипит мой разум возмущенный!

А автомобильчик-то «Мерседес». Не из самых дорогих, но такой… приличненький. Я такого никогда не куплю. Нет, ну если по моей книжке снимут сериал в Голливуде, тогда – да! Куплю. Но только не такое дерьмо. Получше что-нибудь. Например, автодом на базе «Унимога». И поеду путешествовать по стране. И не только по стране.

Но прежде надо выжить, не получив битой по балде.

Мажорчика роняю, пробив резкий удар под дых, – это действует всегда, а следов практически не оставляет. Нокаут гарантирован. А вот этих двоих придется глушить по полной. Зачем биту взял на честный поединок? Видимо, джентльмен. Джентльмены, они такие – всегда желают иметь преимущество над быдлом вроде всяких там тупых русских. А когда огребают по сусалам, громко кричат о диких народах и об орде, которая угрожает просвещенной Европе.

С тем парнем, что крался с битой, интересно получилось. Я увел удар в сторону, бита хорошенько врезала по заднему стеклу «мерса» и осыпала машину блестевшей на солнце искристой крошкой. Следом за битой отправился и ее хозяин – головой вперед, в освободившееся от стекла пространство.

Второй нападавший, напарник битоносца, быстренько свалил куда-то в сторону ввиду явного превосходства противника. То есть меня. И это правильное решение. Зачем тебе лишние синяки и переломы?

Мажорчика воткнул рядом с его дружком («Пидоры они все!» – вполне здесь подходящая цитата из фильма «Брат»). Пусть себе охладятся на ветерке. Затем осмотрел поле битвы, проверил видеорегистратор – работает ли он? Работает. Без видеорегистратора скоро уже и в сортир не сходишь – мало ли, вдруг по дороге с котом подерешься и придется доказывать свою невиновность!

Решил – сваливаю. А что, я повреждений не получил, а то, что они их получили, так все зафиксировано. Навесить лишнего не удастся. Поехал!

Уселся в своего дракончика, повернул ключ – завелся тот, как всегда, не сразу. Есть у каждой старой машины своя придурь. У этой – вот такая. Вначале покрутить стартером, пожужжать, а уж потом… Если, конечно, заранее не нажал на педаль газа. Тогда все – взревела, автоматически перешла на газ (экономия, однако!), и покатил, куда надо. И что характерно – проехал там, где надо. Всегда. Ну-у… почти всегда, не буду грешить против истины.

Они меня догнали через полчаса. Быстро отошли от нокаута. Видать, третий постарался. Я даже не успел увидеть машину – скорость, скорее всего, была километров под двести. А может, и больше. Как они сумели развить такую скорость на не очень для того приспособленной дороге?.. Хотя что такого? Если ты дебил, можешь развить любую скорость, какую позволит тебе развить автомобиль. «Мерседес» – очень хорошая машина. Трехлитровый движок да в такой маленькой пузотерке – это вообще зверь. А если еще на машине стоят буквы «AMG» – тогда вообще атас. Хрен догонишь! А вот он догнать может, просто-таки на раз.

Я увидел его уже в последний момент, когда он целился мне… Нет, не мне! Машине! Прямо в задний бампер. Пришлось уходить вправо – с визгом тормозов, со скольжением («Нива» очень не любит резкого торможения – сразу в занос идет). Но мне не удалось уйти до конца.

«Мерс» мажорчика скользнул по моему стальному бамперу и, как ударный шар в бильярде, отразился от моей машины и ушел на встречную полосу. Не знаю, чем руководствовался водитель фуры, которая как раз неслась по встречной полосе, только он попытался избежать удара, свернув влево, и угодил прямо в лоб моей «Ниве».

Кто там толковал про то, как перед глазами проносится вся жизнь? Ну, тогда, когда ты скоротечно отправляешься на тот свет? Чушь собачья. Явно эти люди никогда не имели дела со смертью. Даже близко рядом с ней не были!

Все, что я успел перед тем, как кургузая морда тягача состыковалась с моим дракончиком, так это подумать: «П…ц!» И мир погас.

Глава 1

Запах грибов. Запах леса. Ах, какой приятный запах! Люблю собирать грибы. А вот чистить, мыть их – ненавижу. Вот можно было бы так – я собираю, приношу, а моют мама и папа! Да хрен там – заставят ведь чистить. Ну да, ленивый я! А кто любит работать по дому?! Покажите мне такого идиота!

Какие грибы?! Какие мама и папа?! Они давно уже в земле сырой лежат! А я – НА земле!

Точно, на земле. Влажной, пахнущей грибами и опавшей листвой. И как я тут оказался? И почему я… голый?! Точно! Голый! Что за хрень?! Я и в юности в лесу голым не бегал! Даже в кошмарах.

Стоп! А может, я в зеленке? Может, у духов в плену был и бежал? Так я ведь никогда не был у духов в плену, бог миловал!

Хрень какая-то… в голове все перемешалось! Каша, а не воспоминания! Сейчас вот казалось, что я в лесу, вместе с отцом собираю грибы! Грузди. Возле деревни Ижбулган. Нет, это не деревня – река! Река Ижбулган! И там была такая тропка, выбитая в горе коровами, а прямо из нее торчали шляпки молодых груздей. Много так этих груздей! Мы целую коляску мотоциклетную набили!

Щупаю себя… нет, тело точно не мальчишеское. Вот входное отверстие от пули справа на груди. Вот слева. Вот на руке – тут мне нож вошел, когда я неловко парировал удар – поскользнулся на банановой корке, идиот! И этот наркоман едва не пропорол мне печень. Если бы не бронежилет – хана! И вообще, с тех пор – никаких пируэтов с единоборствами, если я на службе. Есть пистолет – вали сучонка, и все! Нож у него в руках? Угрожал? Пуля в лоб! Или в пах. Очень хорошо – в пах! И помучается перед смертью, и осознает свои грехи. Не надо бить женщину арматурой по голове. И бейсбольной битой тоже не надо. Нехорошо это. Женская голова – для поцелуев. Для лежания на мужском плече. Но никак не для того, чтобы мерзкий нарк с размаху бил по ней оружием ударно-дробящегодействия!

Ненавижу тварей – наркоманье, шпану, гопников всяких. Нет им места в этом мире! Расстреливать тварей на месте!

Ага! Все-таки я вспомнил! Итак, я Карпов Михаил Семенович, бывший омоновец, на пенсии. Рост сто восемьдесят семь сантиметров, пенсия двадцать тысяч, жена Надя, дочка Настя, зять Дима, кот Бегемот и кошка Флешка. Вся семья.

Нет, машину еще забыл – «Нива», «ВАЗ-21214» мохнатого года, мохнатого кузова и почти новой начинки – терпеть не могу ездить на машинах с неисправными, некачественными узлами. Моя машина может выглядеть как полное говно на колесах, но ездит она, как гоночный болид, а бездорожье преодолевает, как трактор «Беларусь» с двумя ведущими мостами.

Отлично! Вырисовывается! Ведь как в мнемонике – надо уцепиться за ниточку и потянуть воспоминания, и тогда они вытянутся длинной веревкой, бусами – одна бусинка за другой.

Итак, цепочка информации. «Нива» – дорога. Дорога?! Дорога! Я ехал по дороге, и… и… да черт! Авария! Я попал в аварию! Точно! В аварию! Белый «Мерседес», толпа обкуренных мажорчиков!

И фура. Фура – прямо мне в лоб. Да, да – именно МНЕ! Я в нее башкой шарахнулся.

«Мерс» отрикошетировал от бампера «Нивы» и ушел на встречку. Фура пыталась уйти от столкновения – идиот-дальнобой не нашел ничего лучшего, как в свою очередь пойти на встречку – и снес меня, как кеглю. Надо было «мерса» долбить, идиот, не хрен выкрутасы устраивать! Все равно все, кто был в «мерсе», однозначно подохли. Увернуться шансов не было. Но меня-то за что ты снес?!

Ладно. С этим потом разберусь. Теперь бы понять, как я тут оказался. Тут – это в темном лесу, искусанный комарами, голый и… без единой царапины! Точно, на мне ни царапины! А я ведь прекрасно помню, как лопнул, не выдержав запредельной нагрузки, привязной ремень! Как меня буквально выстрелило из водительского сиденья туда, где перед глазами мелькнула скошенная линия-полоска, фирменный знак «Вольво»! Я не то что не должен был остаться без единой царапины, я и выжить не мог!

Представляю, как плачут над моим гробом Надя и Настя… Дима – грустный, прижимает к себе молодую жену. Кошка Флешка приходит в мою комнату и тоненько пищит – ищет меня, просит разрешения поспать на моем диване. А

меня уже нет! То, что лежит в гробу, – это не я! Эти окровавленные куски мяса, эта раздавленная черепная коробка – это не я! Не плачьте! Меня там нет! НЕТ!

Да чего я развоевался-то? Само собой, нет меня в гробу. Вот он я! Живой, здоровый, хоть и перемазанный в земле. И укусы комариные – ну так, гадство, чешутся! Ненавижу комаров и всякую такую летающую кровососущую тварь! Впрочем, и нелетающую тоже. Удивительно, но они всегда меня жрут. Других не жрут, а меня – просто-таки дегустируют. И это, между прочим, научный факт – некоторых людей кровососы едят охотнее, чем всех остальных теплокровных. Почему? Это вопрос другой. Там было что-то насчет молочной кислоты в мышцах, о каких-то химических веществах, якобы очень любимых тварями и присутствующих в крови таких, как я. Но, думаю, все это фигня. Мы просто вкусные!

Так. Хватит жалеть себя и бить проклятых комаров. Надо выбираться. Тем более что… холодно, черт подери! Хоть я и люблю прохладу, но все-таки!

Жена с дочерью вечно ругают меня: мол, я, как морж, пораскрываю окна и двери, холода напущу и сижу так. Или нахоложу кондиционером комнату, аж иней на стенах! И я, мол, мутант – холода не чувствую. А они вот нормальные люди, любящие тепло. Но все это ерунда. Я довольно-таки большой, а потому мое тело лучше терморегулируется. Поддерживает нужную мне температуру. И лучше всего оно это делает при температуре в двадцать градусов.

Здорово сказанул! Профессор! А не снайпер из ОМОНа…

Встал, привык к ощущениям (голова немного закружилась) и медленно, стараясь не напороться на какую-нибудь гадость, побрел вверх по склону. Где-то внизу журчит речка… Если это то место, где я попал в аварию, – это Гуселка. Только почему не слышно автомобильных моторов? А тем пуще – рева мотоциклетных глушителей? Эти поганцы участок трассы, где я имел несчастье попасть в аварию, ночью используют в качестве гоночного полигона, носясь на своих «метлах», как сумасшедшие ведьмаки.

Ну да, я не люблю мотоциклистов, хотя никогда не мешал им ездить и – боже упаси! – никогда не перекрывал им дорогу. Просто когда видишь мотоциклиста, сразу в животе возникает такое тянущее чувство – ожидание неприятностей. Или он сейчас башку сломит, или… башку сломит, но еще и кому-нибудь

напакостит. Врежется в соседнюю машину либо снесет прохожего. А как они раздражают летними ночами! Вот на кой черт пробивать глушитель, чтобы он истошно ревел? Только не надо про «это чтобы нас лучше слышали». Все равно, даже если услышат, увидеть просто нереально. Так что, если мотоциклист проскакивает между машинами, едва не сбивая зеркала, он обязательно в конце концов окажется на асфальте. В качестве неподвижной изломанной куклы. Таков закон природы.

Нет, так-то я сам люблю мотоциклы! И права категории «А» у меня есть! И ездил в детстве – и на «Ковровце», и на «Иж-Юпитере» с коляской. Но то – если я на мотоцикле. А если кто-то другой…

Я шел по ковру из листьев, соскальзывая, падая на колени и снова поднимаясь по склону, стараясь не допускать в мозг поганую мыслишку… Забивал сознание всяческими дурацкими рассуждениями – о мотоциклистах, о тупых водителях, о велосипедистах, считающих себя пупами земли, и о всякой мрази, которая коптит этот мир, а хорошие люди (вроде меня!) разбивают башку о капоты всяких там злых «Вольво»…

Что за поганую мыслишку я отгонял? Да вот стоял у меня перед глазами чувак из старого кино (ныне уже покойный актер). Играл он там призрака. Убили парня на улице, и стал этот парень призраком. И фильм так и называется: «Призрак». И от мысли, что я могу оказаться таким же призраком, меня не просто колбасило – аж подташнивало! Ну не хочу, не хочу я в призраки! И не заставляйте, сволочи!

Кто такие эти «сволочи», думать тоже не хотел. Честно скажу: не было никакого желания задумываться о том, как я оказался в ночном лесу голым, после того как уже умер. Умер, умер! Мой мозг, тренированный на определение вариантов смерти, все понял еще тогда, в машине – шансов у меня не было никаких. И вот теперь я, призрак, должен понять, куда попал и… зачем.

Больно. Очень больно, когда ты, человек двадцать первого века, наступаешь на острый сучок! Я никогда не матерюсь при женщинах – если только эти женщины не ведут себя, как мужчины, матерясь и пытаясь ударить. Никогда не матерюсь при детях. Дома никогда не матерился. Но я прошел войну и ОМОН, а потому могу считаться экспертом по матерщине. Я не ругаюсь матом, я им разговариваю. И сейчас – я шел и разговаривал матом, шипя и ощущая, что мои подошвы превратились в сплошную рану.

Современный человек зависим от своих приспособлений, им придуманных, настолько, что, очутись он в пещерном веке, – сдохнет. Предки ходили вот так, как я сейчас, – голышом, босиком – и не ощущали от этого никакого неудобства. Мне же сейчас было очень хреново. Очень! Раньше я даже слегка гордился тем, насколько мало мне надо: холод терплю легко, насчет еды неприхотлив – набил желудок, и слава богу. Из одежды самое простое и удобное – вроде обычной «горки». И считал, что, окажись я в условиях дикой природы, выживу с гораздо большим шансом на успех, чем большинство из моих современников. Уж если на то пошло – меня тому учили. Курсы проходил, да. Но никогда не предполагал, что могу оказаться совершенно голым в ночном лесу. Ни в одной из своих самых дурацких фантазий! Будто какие-то демоны решили надо мной подшутить и бросили в лесу в костюме Адама!

Идти пришлось недолго, всего минут десять, но эти минуты показались мне целой вечностью. Все-таки я наколол ногу на острый то ли шип, то ли сучок и теперь хромал, проклиная и проклятую зеленку, и самого себя, не умеющего ходить босиком.

Кстати, пока шел, в голову вдруг пришла мысль: а Гуселка ли это вообще? Может, никакая не Гуселка?! С чего я взял, что нахожусь там, где попал в аварию?

Версия такова: я, здоровенный чугунный лоб, остался жив после столкновения. Меня положили в «Скорую помощь», фельдшеры раздели, потом вывезли в неизвестное мне место, где и выкинули без всяких средств к существованию, в расчете на то, что я погибну и не смогу рассказать об их подлом зверстве. Ну а что? Чем эта версия тупее версии о том, что меня похитили инопланетяне? Кому не нравится – придумывайте свою! Например, что меня накачали наркотой, вырезали почку, а лишнее бросили в лесу… хрен знает где.

Невольно погладил ладонями бок и не обнаружил там новых следов злодейского вмешательства. И слава богу! Только старые шрамы от ранений, в том числе и осколочных (подствольник, зараза! – мелочь, а неприятно).

Дорога, на которую я вышел, показалась мне смутно знакомой. Минуты три я стоял посреди асфальтовой трассы и мучительно соображал, где же все-таки нахожусь. Был бы день, было бы легче. Узнать место ночью, да еще и после прогулки голышом по лесу, – выше моих сил! Но это место точно было мне знакомо, в чем я утвердился, после того как пошел вправо, по асфальту, в

надежде на то, что появится машина и меня подберет. При этом совершенно не беспокоясь о том, что подумает водитель, увидев на дороге здоровенного грязного голого мужика – покруче Тарзана. У того хоть набедренная повязка была. Даже я… Не знаю, стал бы я подбирать такого кадра или нет – чехлы себе в машине пачкать. И подозрительно, и опасно – даже для меня.

Все, что подозрительно, – опасно. Здоровой паранойи еще никто не отменял. Паранойя – друг и соратник разведчика. Ну и омоновца тоже. Лучше перебдеть, чем недобдеть!

Пересек мостик, под которым журчала речка… Гуселка, точно! Это она! Когда-то Усть-Курдюмская трасса шла именно так – без путепровода, поднятого на опоры. Тут, внизу шла. Только вон там стоял памятник – погибли молодые ребята, что были в легковой машине, когда у «КамАЗа» с кирпичом, что поднимался на гору, отказали тормоза. Ребят раздавило – не успели выпрыгнуть из «Лады». Родители рядом с дорогой поставили памятник.

Итак, я правильно повернул. Вот только куда делся путепровод? А может, я все-таки ошибаюсь? Подожди-ка… вот и поворот на Долгий Буерак. И табличка стоит: «Долгий Буерак»! Так что все правильно!

И что тут правильного? В аварию-то я попал не возле поворота! На этой трассе, но в другом месте! А оказался тут, за несколько километров от места аварии! Это как? Чушь! Какая-то чушь! Нет, скорее всего, я обознался, и… тьфу! А как же табличка-указатель «Долгий Буерак»?!

В любом случае – мне надо искать людей. Стало гораздо холоднее, и уже реально зуб на зуб не попадает!

И я побежал. Вначале тяжело, хромая на пораненную ногу, разминая застоявшиеся мышцы, потом уже легче и еще легче. Для своих лет я бегаю очень недурно, учитывая, что делаю это теперь очень редко. Ну да, в тренажерном зале волей-неволей отрабатываешь «дыхалку» на кардиотренажерах, но бегать я не бегаю – и не потому, что так важен. Типа такой важный господин. «Генералам нельзя передвигаться бегом – во время войны это может вызвать панику, в мирное время – смех». Совсем не потому. Просто… не люблю. Набегался уже за свою жизнь, хватит уже! Замерз, вот и побежал. Нет сейчас другого способа разогнать кровь, вот и бегу.

Ни одного фонаря по обочине дороги. И ни одной машины ни в попутном направлении, ни в обратном, из города.

Стоп! Что у меня с головой?! Нет, мозги у меня не вываливаются, я не протухлый зомби, но почему я так туго думаю?! За каким хреном я бегу в город, до которого четыре километра, когда в пятистах метрах от меня – МОЙ ДОМ?!

Господи… я и правда спятил! Если это Гуселка, то по прямой до моего дома пятьсот метров, а я бегу в противоположном направлении, как настоящий идиот!

Может, я и правда ударился головой… стал глупеть, как герой рассказа «Цветы для Элджернона». Вот был умным бывшим воякой на пенсии, подрабатывающим написанием фантастических боевиков, один из нескольких «настоящих профессиональных графоманов». Ну… так нас хейтеры именуют, которые анонимно оставляют свои высеры в Сети, зная, что достать их, мелких говнюков, чтоб разбить им башку, практически невозможно. Но теперь я превратился еще и в тугодума! Простейшая задача – определиться на местности и выработать план действий – вызывает у меня головную боль и подвигает на совершенно глупые поступки!

Я остановился на обочине, обхватил себя руками, пытаясь укрыться от пронизывающего ветра, со свистом разметающего листья и пыль на обочине (вот только что не было ветра, и вдруг поднялся! Ну что за хрень?), и попытался привести мозги в порядок.

Итак, что я имею: примерное определение на местности – всего лишь по мостику, ПОХОЖЕМУ на мостик возле моего дома! Речка, которую я почему-то принял за Гуселку. И полное отсутствие огромного моста-путепровода, который должен быть над этой самой Гуселкой!

А еще – вместо четырехполосной Усть-Курдюмской трассы обычная двухполосная асфальтированная дорога, ПОХОЖАЯ на ту дорогу, которая… хм… На какую дорогу она похожа? Да ни на какую конкретно! На ЛЮБУЮ дорогу, которую покроют асфальтом!

И что делать? Ну что делать… идти к дому, конечно. Кто-то спер мост-путепровод, забросил меня на берег Гуселки, спер всю мою одежду…

Черт! Я схожу с ума!

Я! Схожу! С ума!

Голова заболела так, что я даже подумал, как бы какой-нибудь сосуд в ней не лопнул. Не хочу подыхать голым на хрен знает какой дороге. Без семьи, без жены. Хочу умереть лет в сто пятьдесят, окруженный внуками, правнуками и праправнуками. На своей постели, что характерно!

И тут мое внимание привлек звук. Машина! Сюда ехала машина со стороны города!

У меня даже дыхание в груди сперло – наконец-то! Сейчас попрошу сотовый, позвоню жене, и меня отсюда заберут домой! И все это сумасшествие закончится!

И тут снова по башке как пыльным мешком шарахнуло: а может, мне это все видится? Чудится? Лежу я в виде овоща где-нибудь в больничке – после аварии доставили – и вижу сны! Сны бывают такими яркими, насыщенными, что их можно как кино смотреть! Я нередко вижу сны, да такие яркие, что сам потом дивуюсь. Яркие и странные. Иногда – эротические. Ну а что? Я мужик! Хм… мужики – в поле пашут. Мужчина я, да! Люблю женщин! И что теперь?! Мысли путаются…

Свет ударил в глаза, машина с визгом тормозов остановилась, и я шагнул к ней, забыв, что на мне нет никакой одежды, кроме естественного «шерстяного» покрова. Да и тот совсем редкий – ну не грузин, особой шерстистостью не отличаюсь. Из машины кто-то вылез, кто это был, мне не видно. Фары (видимо, на дальнем свете) слепили так, что у меня из глаз, привыкших к темноте, едва не полились слезы, и в пространстве завертелись красные круги. Но голова теперь работала довольно-таки четко, и я для себя отметил, что, судя по звуку, это «уазик». Деревенские? Или какой-нибудь поклонник оф-роуда?

– Мужики! – начал я и вдруг замер, не закончив фразу. Фары потухли, теперь горели только подфарники, и в свете тусклых фонариков я и в самом деле увидел «уазик». Полицейский «уазик». Желтый, как лимон, с синей полосой. И на водительской дверце у него что-то темнело – что-то нарисованное, но что именно, я не разглядел.

– Эй! – Голос был мужским, молодым, и шел он от стоящего возле машины мужчины в полицейской фуражке. На ней ясно выделялся блестящий кругляшок кокарды. – Ты откуда взялся?! Что тут делаешь посреди ночи? Да еще и голышом! Пьяный? Что, обобрали, что ли, пока пьяный валялся?

– Я не пью, мужики… несколько лет уже не пью! – с некоторой обидой ответил я. – В аварию попал! Сознание потерял, очнулся – и вот! Здесь! Я где вообще нахожусь? Что это за речка? Что за дорога?

– Дорога на Усть-Курдюм… речка – Гуселка! В аварию, говоришь? А где авария была? Что за авария?

– Выше, у «Ленты»! Почти у «Ленты»! Я на «Ниве» ехал, а козел на «мерсе» меня хотел подбить. Вылетел навстречу и в фуру, «Вольво», она в город с моста шла. «Вольво» на встречку вылетела ко мне, и меня в лоб! Я сознание потерял, «очнулся – гипс»!

– Какая такая «лента»? «Вольво»? Что за «Вольво»?! Какой тут «мерс»?! Это тебе Москва, что ли? – хохотнул голос с водительского сиденья. – Спятил совсем! Андрюх, ты поосторожней! Он вон какой здоровый бугай! Борец, видать! И клоун… ха-ха-ха…

– Вот что, борец… – продолжил первый полицейский. – Ты где вообще живешь-то? Мне с тобой времени нет лясы точить, мы на вызов едем в Курдюм. Так что давай быстрее колись, кто ты да что ты.

– Ребята, дайте трубочку – позвонить, – попросил я едва не дрожащим от холода голосом. – Жене позвоню, она меня заберет! Я тут живу, рядом, за Гусельским мостом! У нас там дача, переделанная в жилой дом, мы там пять лет уже живем. На Мраморной.

– Андрюх… он ненормальный, точно! – опасливо бросил водила. – Какие, на хрен, дачи?! Там пустырь! Никаких дач нет! И тем более домов! И какую трубку он вообще требует?

– Позвонить дайте, ребята! – попросил я снова. – Я оплачу разговор! Брошу денег на счет… потом! Как домой доберусь! Пожалуйста!

– Вот что, мужик… – начал первый. – Залезай назад. Не в салон! Назад! Доставим мы тебя в отделение, а там уже и разберутся – кто ты, откуда и какую трубку ты требуешь. Нет у нас никаких трубок. Сигарету могу дать! «Приму». Потом. В машине курить нельзя. Васька дыму не любит.

– Не люблю! – откликнулся водила. – Мало того, что засрете, наблюете тут, засранцы, так еще и дым ваш нюхай! А между прочим, он вредный! Давай полезай!

Водила вышел из машины с кривой ручкой, что должна быть приделана к двери, пошурудил ею в нужном отверстии, дверца багажника и открылась. А я, повинуясь жесту первого (летеха, теперь вижу – глаза привыкли), шагнул к машине.

И остолбенел! На дверце красовался ясно различимый в свете луны герб! Герб Советского Союза! А выше, на синей полосе (и как я это не заметил?!) – надпись «милиция»!

– Ну что застыл, твою мать! – ругнулся сержант, стоявший у дверцы. – Влезай, пьянь чертова! Как вы уже за…ли, пьянь поганая!

– Слышь, Вась. От него и правда спиртным не пахнет, – сказал летеха, мимо которого я проходил. – Я пьянь за полтора метра чую. У меня нос – как у собаки! Мужчина трезвый. И не с похмелья. Кстати, в отличие от тебя! Несет от тебя – мама не горюй! Вчера набухался, что ли?

– Свадьба же у другана, святое дело! – весело хмыкнул сержант, закрывая за мной дверцу. – Имею право! Не на службе же.

– Давай быстрее! Щас прибьет этот гад кого-нибудь, и будем потом отписываться, где это мы застряли и почему быстро не приехали! И не хрена было Костяну на ужин дежурку брать! Сам бы дошел! Вот понадобилось – и на чем ехать?!

– Это ты Петровичу скажи, – хмыкнул водитель, поворачивая ключ зажигания и прислушиваясь к визжащему и хрипящему стартеру. – Я-то чё? Мне сказали – я повез! Мое дело – машина. Вот, слыхал, опять пятак подгорел! И бендикс

тарахтит! Стартер делать надо! А когда делать? Приедем – рапорт напишу на ремонт. Мне день надо, чтобы заняться! А вы мне даете день? Гоняете, как сидорову козу! Люди-то все выдержат, а машина? Знаешь, «уазики» какие ломучие?! Он, сука, если долго не ломается, значит, скоро и глушак полетит, и поршня!

– И на чем мы ездить на вызов будем, когда ты на ремонт встанешь?

– А на «Москвиче»! Пусть начальник из-под жопы вытаскивает «москвичонка» и дает в дежурку! А если «луноход» накроется – что будете делать? На мне кататься? Так вы уже катаетесь! Ножки свесили! Как ни попрошу кого в помощь на ремонт, так вы мне писю кажете! Нет, точно рапорт напишу – становлюсь на ремонт! Надоело!

И тут же он сменил тон и повысил голос, перекрикивая вой движка и раздатки:

– Эй, ты… ненормальный! Ты там не блюешь? Заблюешь – я тебя самого мыть заставлю! Языком будешь вылизывать!

Я не ответил. Я ошеломленно и даже с ужасом смотрел туда, где должен был стоять мой дом. Луна яркая, как медный таз, – облака разошлись, будто желая показать мне, как круто я вляпался. А то, что вляпался, – это определенно. Сержант был прав. Никаких дач, никаких домов. Голая пологая гора, освещенная призрачным светом луны, кусты и клены вдоль дороги… и ничего указывающего на то, что здесь имеются дома. Ни-че-го! Ноль!

Сказать, что я ошеломлен, – ничего не сказать. Мысли разбегались, голова трещала от боли, даже руки и ноги – и те тряслись то ли от холода, то ли от нервной перегрузки. Ну а что, не каждый день оказываешься непонятно где… Если, конечно, все это не было какой-то дурацкой инсценировкой. Розыгрышем, устроенным безумным олигархом. Именно олигархом, то есть человеком, имеющим очень много денег, которые он может пустить на свои безумные выходки. Например, купить «УАЗ», раскрасить его в цвета милиции советского времени. Нанять актеров, которые будут вести себя соответственно тому, как вели себя милиционеры советского времени. Вывезти меня в место, очень похожее на то, где я сейчас живу… жил. Вот только ЗАЧЕМ?! Какой в этом интерес?

Усть-Курдюм тоже не был тем Курдюмом, к которому я привык. Никаких рекламных плакатов, и более того: возле администрации, над которой в лучах прожектора колыхался красный – красный!!! – флаг, на стенде висел огромный портрет Ленина и рядом с ним – портреты передовиков. Надпись над этими портретами я прочитал. Точно, портреты передовиков колхозного, так сказать, дела.

Возле администрации стояла женщина лет сорока – сорока пяти. Завидев милицейскую машину, она бросилась к ней так, будто это был не «луноход», а «Скорая помощь», способная спасти больного человека. Бросив несколько слов, она уселась на заднее сиденье, и машина рванула с места, бренча сочленениями на каждой приличной кочке. И кочек тех было немерено – асфальт разбит так, будто это не Усть-Курдюм, в котором уже давно обосновались обеспеченные люди, а захолустный поселок, деревня, до которой от крайнего КП ГАИ двадцать километров неухоженной трассы. И нет никакого нового моста, который длиннее старого более чем в два раза.

И незачем сюда по ночам ездить машинам, если только ты не милицейский «уазик» с дежурным нарядом, состоящим из дежурящего участкового и сержанта-водителя.

Кстати, стандартная ситуация во все времена – на вызов обычно едет дежурный участковый. И хорошо, если ему под задницу дадут дежурную машину, а то и сам добирайся как хочешь. Но тут уж точно деваться было некуда – двадцать километров на автобусе посреди ночи не прошкандыбаешь.

Из сбивчивой речи женщины я понял, что вызов состоялся из-за ее мужа, недавно откинувшегося с зоны, на которой он оказался из-за своего буйного нрава, особенно резко проявлявшегося во время пьянки. А попал он туда потому, что покалечил соседа, не в добрый час попавшегося ему на глаза возле дома. И вот сейчас он накачался самогоном, купленным где-то здесь, в деревне, и собирается пойти и рассчитаться с соседом, который якобы пользовал его жену, пока ее владелец парился на зоне.

Кто-то ему, видишь ли, сказал, что Лизка путается с соседом – тем самым, которого он некогда «отоварил». Так что мужик не нашел ничего лучшего, как подбить глаз любимой женушке и составить план окончательного уничтожения зловредного соседа.

Абсолютно банальная, скучная и невероятно распространенная бытовуха! Но от этого не ставшая менее опасной. Так и совершается большинство убийств – тупо, по пьянке. Убьет соседа, загремит лет на пятнадцать-двадцать (рецидивист же!) и выйдет с зоны строгого режима полной развалиной с отбитыми почками и печенью, с туберкулезом и ненавистью ко всем, кто успешнее и здоровее его. В конце концов окончательно сопьется и наконец-то перестанет портить людям их счастливую долгую жизнь.

Когда подъехали к искомому дому, стали слышны крики, звон стекла и звуки металла, вгрызающегося в дверь.

– Он топором рубит! К соседу ломится! – пискнула женщина, и я вдруг подумал о том, что скорее всего с женщиной этой не все так уж и ладно. И возможно, что буйный мужик не был совсем так уж и не прав. Небось бегала к соседу, давала повод для ревности – вот муженек и осерчал. А теперь вон оно к чему все пришло! Интересно, а как я бы поступил в таком случае? Нет, чисто теоретически! Моя жена, само собой, выше подозрений! Как жена Цезаря. Но все-таки – вот прихожу я домой, а там стоны, чмоканье и скрип кровати. А я ведь тут! И с кем же тогда чмокает и стонет моя жена?!

Отоварил бы, точно. Мужика измордовал бы до полусмерти, благо что здоровья и умения хватает… жену… не знаю. Стал бы бить или нет? Нет, наверное. Просто собрал бы вещи и ушел.

Знаю, есть такие люди, что радуются изменам жены. И даже сами находят ей любовников. Но это точно не я. Я собственник. Жена моя. И ничья больше. А тот, кто покусится на мое, получит по полной! Вышибу мозги из подлеца!

И вдруг затосковал: я тут, а жена-то моя там! Где «там», я еще не знал и думать об этом не хотел, в глубине души надеясь, что все это дурацкая инсценировка. Но мой логичный, приземленный разум давно уже сделал вывод, где я сейчас нахожусь. В КАКОМ ВРЕМЕНИ.

А значит, я никогда уже не вернусь домой, к жене, и значит, она теперь свободна и может спать с тем, кто ей придется по душе. Меня-то нет! И не будет! А ей всего сорок лет. И в сорок лет баба… ого-го какая баба! Только и дай мужика!

Тошно. Ой как тошно! Люблю я ее! И всегда любил! И всегда знал, что меня дома ждут, что мне нальют борща и наведут кружку чаю с лимоном. Что есть мне куда возвращаться и есть зачем. Какой бы я ни был – больной, пьяный, раненый или здоровый, – всегда приползал, приходил, прибегал домой. Дом для меня все! Дом – это семья. Семья – над всем. Над моралью, над совестью, над жизнью и смертью. Убью весь мир, сам сдохну, но семью сберегу! И только так. И весь я в этом.

Менты ушли из машины вместе с женщиной, и через несколько минут оттуда, где гремели удары топора, раздались крики и плач.

Я ожидал в скором времени услышать выстрелы – кто в здравом уме будет ждать, когда ему размозжат голову топором? Куда как проще – достал ствол, загнал патрон в патронник да и пальнул пару-тройку раз. Вначале в плечо, чтобы топор выронил, а потом в ногу, чтобы матом не ругался и против полицейских не злоумышлял. С простреленной-то ногой не позлоумышляешь! Не до жиру! А выписывать пируэты в роли мастера единоборств, когда в руках такой удобный и привычный «макаров» (а лучше «калаш»-укорот), – это форменный идиотизм. Валить гада, если дернется, и вся недолга! Если по молодости я бы еще два раза подумал, прежде чем сделать такое (отписываться задолбаешься), то теперь, став старым пердуном на пенсии, и секунды бы не задумался, пускать в ход огнестрельное оружие или нет. Кстати, пистолет у летехи был – я видел, как оттянута кобура. Применит, ежели что, не дурак же!

Но тем больше было мое удивление, когда я увидел летеху и сержанта, подталкивающих в спину здоровенного детину, который по дороге пьяным голосом пытался что-то доказать ведущей его парочке. И что интересно, они не удосужились даже надеть на него наручники! И скорее всего, рупь за сто, – не обыскали! Идиллия, мать вашу! Девяностых годов на вас нет… и чеченской. Злой я, да, но какого черта такое расслабление?

Мужик был ростом чуть пониже меня, но тяжелее килограммов на сорок. Когда-то он, вероятно, занимался одним из видов силового спорта – штангой либо классической борьбой – и до сих пор сохранил свою силу, хотя и зарос жиром, как завзятый колхозный боров. Машина даже присела, когда он грузился в «обезьянник». Кстати, когда я в нее влезал, она отреагировала вяло. Точно, килограммов сто пятьдесят весит! Вот же чертов бегемот!

Мужик не обратил на меня никакого внимания, он как раз материл свою супружницу, пьяным голосом рассказывая ей, в каких позах будет иметь ее, ее хахалей и хахалей ее хахалей. Особенно досталось соседу – извращенному типу, любителю нетрадиционных сексуальных связей.

Кстати, я так и не понял – если сосед гомосексуалист, то зачем ему жена этого типа? Глупо же, нелогично. Впрочем, какая может быть логика у пьяни? Только пьяная, само собой.

Милиционеры уселись в машину, грохнули закрываемые двери (в «уазике» приходится так грохать – возникает ощущение, что дверца сейчас отвалится, но его перебивает ощущение, что иначе не закроешь), заскрежетал, завыл стартер, и наша пестрая компания двинулась в путь.

Я немного удивился: а объяснение взять у свидетелей и потерпевших? А заявление? На основании чего задержали? И как потом будут отписываться?

И тут же с усмешкой подумал: какое мое дело? Наверное, успели взять заявление, заранее баба написала. А что касаемо объяснений – сама приедет в отдел, завтра все напишет. Не о такой ерунде надо думать, причем чужой ерунде, а о том, как мне жить дальше!

Мужик захрапел, откинувшись на борт машины и распространяя миазмы застарелого сивушного выхлопа, я же, стараясь согреться, тер плечи, руки, ноги – меня била дрожь, еще немного – застучат зубы. Я забарабанил в перегородку «обезьянника»:

– Эй, ребята! Эй!

– Чего ты? – обернулся лейтенант, и в голосе его слышались досада и раздражение. – Сиди спокойно! Скоро приедем!

– Пока приедем, я на хрен замерзну! Мне бы чего-то из одежды! Зубы уже стучат!

– Да и хрен с ним! – Жестокосердный водила даже не повернулся, глядя строго вперед, на темную дорогу, освещенную тусклым желтым светом фар. – Тебе чего

тут, промтоварный?

Давненько я не слышал слова «промтоварный»! Молодняк небось и не поймет, что это такое. А я помню! Древний я, как окаменевшее дерьмо мамонта. Ох и древний!

– Я щас тут околею от холода, воспаление легких словлю, а вы будете виноваты. И заяву на вас напишу, что вы надо мной издевались, везли голым, и поэтому я получил воспаление легких! Так что дайте хоть тряпку какую-то – прикрыться! Замерзаю!

– Нет, ну а что? Правда холодно, а он голый! – забеспокоился летеха, отреагировав на мои угрозы. Это водилу дальше фронта не пошлют, а участкового… ну, он тоже, считай, на фронте, только вот у него есть все-таки кое-какая карьера. Например, если жалоба найдет подтверждение, могут звание задержать. Или соберутся старшим участковым поставить, а у него взыскание есть! И другого поставят. Или захочет в другую службу перейти – начнут «шерстить» послужной список, и выплывет такой вот неприятный случай. Никому не нужны проблемные подчиненные. И уж тем более – начальники. В ментовке ни одна жалоба просто так не теряется.

– Останови! Я ему одеяло с заднего сиденья дам.

– Да ты чё, в натуре! – Водила искренне возмутился. – Вообще-то это мое одеяло! Я его из дому принес! Чтобы накрываться им, а не зад какого-то придурка прикрывать! Принеси свое одеяло да накрывай всех синяков!

Я даже чуть не хихикнул. Вот типичный образец разговора лейтенанта и сержанта в ментовке! Начальника и подчиненного! Никаких тебе армейских «исполнять!», «слушаюсь!». Да и глупо было бы иначе разговаривать – между прочим, хороший водила, умеющий поддерживать свою тачанку в должном порядке, это гораздо бо?льшая ценность, чем простой участковый!

Интересно, как летеха выкрутится из ситуации? Фактически его сейчас на хрен послали.

– Знаешь чё… если с ним что-то случится, я скажу, что это ты не дал ему прикрыться. По всему видать, мужик непростой, и не алкаш, точно. Не пахнет от

него. Крыша поехала – это да. Но чтобы он нажранный был – такого нет. А то, мож, родня кого-то, типа первого секретаря, а ты ему пожалел грязное одеяло, залитое чаем и прожженное цигарками! Жлоб ты, в натуре. И ты будешь отвечать за мужика. Одеяло пожалел, ага! Жидовская ты морда! Куркуль!

– Чё сразу – «жидовская»?! Чё сразу «отвечать»?! Обзываешься еще! Куркуль я, вишь ли! – забеспокоился водила и нажал на тормоз. – Вы свое, мля, заработайте, а потом раздавайте! Отдай! Все отдай! Может, еще штаны снять и ему отдать?

– Если есть такое желание, отдай! – невозмутимо сообщил лейтенант, и я едва не рассмеялся, несмотря на свое дичайшее положение. Все-таки он выкрутился! Наехал – по всем правилам! Настоящий участковый – такие любые проблемы решают и уж точно с людьми контакт наладить умеют. Проверено!

Мне передали одеяло – грубое, кусачее, грязное, воняющее потом, табачным дымом и блевотиной, и я не помню, чтобы когда-нибудь с таким наслаждением заворачивался в кусок ткани. Одеяло, несмотря на его мерзкое состояние, оказалось теплым, и дрожь моя понемногу утихла. Кстати сказать, скорее всего, дрожь была вызвана даже не холодом, не такой уж и мороз на улице, – это нервная перегрузка. Ощущение, будто ты после длительной и тяжелой болезни, когда любой холодок вызывает дрожь, а любое тепло бросает в пот.

Привезли меня не в Волжский отдел, как я этого почему-то ожидал, а в Саратовский. Что по здравому рассуждению было абсолютно верно – Усть-Курдюм-то за городом, в Саратовском районе! С какого рожна они попрут меня в Волжский отдел?

Возле отдела никого не было, ни одного человека. Глухая ночь, улицы пустынны, и только ночной ветерок шевелит маленькую бумажку, застрявшую между камнями бордюра. Я нагнулся, поднял ее. И убедился – точно, он! Автобусный билет! Тот самый, отрывной, из детства!

– Эй, ты что там хватаешь? – обеспокоился злой как черт водила. – Каменюку, что ли?! По башке хочешь дать?!

Я протянул руку, показал, потом выпустил билет, и он полетел по ветру, кувыркаясь, как акробат под куполом цирка. И мне вдруг снова стало тошно. Я

попал! Вокруг – ни одной родной души! Чужой мир, чужая страна. Да, чужая! Потому что мой мир в 2018 году, а сейчас… какой сейчас год?

– Сержант, какой сейчас год? – не задумываясь, спросил я.

– Год?! – изумился водила. – Точно, спятил. Семидесятый был с утра год! А у тебя какой?

Я чуть было не ответил, но придержал язык. И мгновенно решил: держать язык за зубами, пока во всем не разберусь! Иначе точно окажусь в дурдоме!

В дурдоме я все равно оказался, но только через несколько часов. В эти часы меня вначале допрашивали. Вернее, опрашивали. Брали объяснение. Я отвечал, что ничего не знаю – кто я, откуда я и как оказался на дороге. Память пропала! Я не помню ни года (сержант свидетель), ни месяца. Помню только, что я в Саратове, но ничего тут не узнаю?.

А я и правда не узнавал. Напротив Саратовского отдела в моем времени был построен торговый центр. Сейчас его нет. Стоят старые кирпичные дома, частные дома. Не видел, на месте ли Октябрьский отдел, он в мое время находился позади Саратовского, за углом. Но мне рассмотреть особо и не дали, сразу завели в помещение.

Одеяло свое драгоценное водила все-таки отнял, но я без одежды не остался – тот же самый летеха притащил старые милицейские брюки с подозрительным пятном на заду (обделался кто-то, что ли?), старый китель без погон, со следами свежего их отпарывания (ну само собой – бомж в милицейском кителе с офицерскими погонами?!).

Глупо я выглядел – штаны не доставали даже до щиколоток, обтягивали ляжки, как трико у балерин, а китель на моих плечах едва не лопался при каждом моем глубоком вздохе. Потому дышать я старался порционно и двигался осторожно. Но все-таки это была одежда. И она согревала. Не до жиру! Главное – живой.

Допрашивал меня тот же самый летеха. Вернее, не допрашивал, а опрашивал (это разные понятия), ибо я пока не был замешан ни в чем предосудительном – кроме циничного демонстрирования половых органов придорожным деревьям. Кстати, легко можно меня за этот цинизм закрыть, к примеру, на пятнадцать

суток. А за эти пятнадцать суток сделать запрос во все инстанции и решить, что со мной делать.

Так-то меня не обижали, не оскорбляли – летеха был если не предупредителен, то деловито сух и ничем не выражал своего ко мне отношения. Ну, не помнит человек, кто он и откуда взялся, – и что? Без него дел хватает. А что это не беглый уголовник, видно с первого взгляда. Татуировок-то нет! Никаких!

Я вообще-то не любитель украшать себя наскальной живописью, даже если это какая-нибудь хрень, указывающая на принадлежность к «Войскам Дяди Васи». Ну, типа парашюта и болтающегося под ним человечка. Не нравится.

Мне «откатали» пальцы – седой, предпенсионного возраста, заспанный эксперт-криминалист, от которого ощутимо несло старым перегаром.

Криминалисты всегда были сами по себе и как бы и не совсем менты, потому имели некоторые послабления. Особенно дельные криминалисты. Этот был дельным. Сделал он все быстро, без лишней суеты, и скоро я уже отмывал испачканные пальцы в раздолбанном сортире отделения, в котором, как и в дежурке, воняло блевотиной и табаком.

И вообще здесь все пропахло табаком. Стены, пол, стулья, столы, даже люди. Когда это еще до народа дойдет запрет на курение в общественных местах… Очень справедливый, надо сказать, запрет. Не фиг дымить в общественных местах! Ибо не хрен! Кстати, то, что я не курю, помогало мне в зеленке. Снайпер, который курит, находясь «на охоте», долго не живет. Табачный дым некурящий человек чует за несколько десятков метров.

Затем меня отвели в камеру. Обычную камеру РОВД – деревянные голые нары, стены, заляпанные «шубой», чтобы на них нельзя было ничего написать. Жуткое изобретение эта самая «шуба». Если кого-то взять за волосы и провести башкой по такой стене – через пару метров от башки останется кусочек с кулак величиной. Все остальное будет висеть на стене. Эдакий гипернаждак.

Я улегся на топчан, отполированный боками десятков и сотен «посетителей», и, как ни странно, мгновенно заснул. Мне не хотелось ни есть, ни пить, что было немного странно – все-таки я любитель плотно перекусить, а ел последний раз… сорок восемь лет назад. Нет, вперед! Хе-хе… забавная шутка, ага! До слез…

Разбудил меня грубый пинок в зад, от которого я мгновенно проснулся и вскочил на ноги, готовый к чему угодно. Китель на спине опасно натянулся под давлением надувшихся мышц, а я в это время пытался продрать глаза и разглядеть причину моего раннего и бесцеремонного пробуждения. Я ожидал увидеть дежурного сержанта при камерах, или летеху, или любого из ментов отдела, но передо мной стоял тот самый мужик из Усть-Курдюма, который уже слегка протрезвел, но еще находился на границе между бодрствованием и явью. И ему явно хотелось выместить на ком-то свою досаду и злость. Пролить, так сказать, посильно чужую кровь.

Начал он, как это водится, с банального загона:

– Эй, козел, чего тут разлегся?! Пошел вон со шконки! В углу посидишь. Я спать буду!

Он шагнул к «шконке», но я совершенно не собирался сидеть в углу и тем более спускать этому придурку «козла». А потому с ходу, не раздумывая и не создавая особого шума, пробил ему двоечку в челюсть слева и в правую скулу, а когда он уже падал – добавил снизу в лицо коленом, с патологическим удовлетворением слыша характерный хруст сломанной челюсти, пусть теперь поест через трубочку. Пососет, так сказать. Бульончик. Он любит ломать челюсти, вот и сам пускай попробует, каково это.

Парень грохнулся так, что камера задрожала. Здоровенный бугай! Сотрясение мозга я ему точно обеспечил. И с раздробленной челюстью он теперь долго не захочет пакостить людям.

Вообще-то даже странно – большие, сильные люди обычно добры. Им незачем мучить людей, злиться, злопыхать. Они и так сильные! Чего им злиться на жестокий мир? Злятся мелкие, злобные, обиженные судьбой. Тогда какое же должно было случиться детство у этого отморозка, чтобы он превратился в тупого берсерка, набрасывающегося на всякого, кто окажется с ним рядом? Может, это болезнь? Сумасшествие? Тогда зачем его держат на воле? Закрыть в дурку, да и вся недолга! Навечно!

Но пока что закрыли меня. Все-таки придурок, который гоняет соседей и бьет морду жене, кажется, вероятно, гораздо менее общественно опасным, чем некий странный тип, не помнящий своего имени и разгуливающий по дороге в костюме

Адама. Дебошир ясен, как дважды два, а этот… может, он опасный преступник, скрывающийся от правосудия? Или маньяк! Или того хуже – шпион! Все-таки Саратов – закрытый для иностранцев город, а тут этот… беспамятный!

Утром меня вывели из камеры, даже не посмотрев, что на полу валяется бесчувственный дебошир, – я даже немного обеспокоился, не убил ли? Проснувшись утром от топота и шума за дверью, пощупал его шею, убедился – глубокий нокаут перешел в обычный сон. Так бывает. Выживет, скотина! Мне не хотелось бы, чтобы он подох на заре моей карьеры в новом мире. Не хочется на пятом десятке присесть лет на пять за нанесение тяжких телесных, приведших к смерти супостата. Пусть живет, тупое животное.

Меня ждал опять же «уазик», только покрашенный в белый цвет, с красными крестами по бокам и синей мигалкой-фонарем на крыше. Как я понял, это была «Скорая психиатрическая помощь».

Пришли за мной два дюжих санитара в белых халатах, и на лицах этих грубых мужиков читалась вселенская скука и ненависть ко всему окружающему миру. Они видели, как сходят с ума, как становятся сумасшедшими люди, про которых никогда и не подумаешь, что такие могут спятить. Казалось, на всех людей эти санитары смотрели немного сверху вниз, словно подозревая, что завтра уже приедут и за теми, и за этими. Смотреть сверху вниз им позволял еще и рост, едва ли меньший, чем мой, – под сто девяносто, это точно.

Меня не били и даже не заматывали в смирительную рубашку, хотя все это у них в машине было. Как и дубинки, торчащие из карманов халатов. Неприятные такие на вид дубинки. Похоже, сделанные из текстолита. Засвети такой в затылок пациенту, и тогда, возможно, придется его списать как умершего от сердечной недостаточности. Слышал я о таком еще в юности: приятель мой, Федька Жижин, рассказывал. Мол, долбят пациентов психиатрички почем зря – те и пикнуть не успевают. Или дубинкой по балде, или укол «серы», после чего у душевнобольных поднимается температура, начинаются судороги и горячка. Пытка такая в психушке – не приведи господь это испытать! Так что я дал себе зарок – не сопротивляться, что бы со мной ни делали (за исключением самого уж экзотичного вроде обращения в адепты ЛГБТ), и пройти испытание психушкой с честью и достоинством. Нет ничего постыдного в нахождении в психушке – тут бывали многие уважаемые люди! Гений и безумец – это почти синонимы.

Санитары расслабились, почти нежно усадили меня в свою коляску и даже не стали привязывать, после того как я вежливо и культурно пояснил, что буянить не собираюсь и, наоборот, готов всемерно содействовать процессу моего излечения от злого недуга. Ибо сам хочу обрести память и свою законную жизнь.

Доехали до «Алтынки», психбольницы, довольно-таки быстро. Никаких тебе пробок, никаких транспортных затруднений! Машин-то мало! Все-таки 1970 год! Какие машины? «Москвичи», «Запорожцы», «Победы», «двадцать первые» «Волги». Мотоциклы с коляской. «Волги» «двадцать четвертые» попадались редко. Оно и понятно – много ли мы видим на улицах «Бентли» и «Роллс-Ройсов»? А тогда «ГАЗ-24» была именно чем-то вроде «Бентли». Редкий мог ее иметь, какой-нибудь маститый писатель, художник, артист! Ну, или чиновник – только там уже скорее служебная, с водителем за рулем.

Красивое место эта психбольница. Пруды, сады, парк – все, что нужно для того, чтобы обрести душевное здоровье. Старинная больница, я помню. И даже помню, что ее первым главврачом (и строителем!) был психиатр с мировым именем, Штейнберг, который, в общем-то, и создал эту больницу. За что был «награжден» «благодарным» народом – травлей и репрессиями от черносотенной организации (ибо был «жидом»!), и в результате репрессий скончался от сердечного приступа, не застав революции. Тут, на территории больницы, его и похоронили.

Откуда знаю? Знаю, да и все тут. Все-таки я родился в этом городе, хотя теперь его недолюбливаю. Не тот это город, что был в моем детстве, совсем не тот!

Впрочем, почему ТЕПЕРЬ я его недолюбливаю? Если я все просчитал правильно – ЭТОТ Саратов именно тот, из моего детства! Тенистый, пахнущий сдобой и помоями, украшенный невероятным количеством моторных лодок, стоящих на приколе возле заборов даже в центре города. И Волга нынешняя – не чета Волге 2018 года с ее пафосными пластиковыми катерами, сделанными в «забугорье». Волга семидесятых жужжала моторами «Вихрь», «Нептун», «Ветерок», тарахтела дизелями гулянок, клокотала от проносящихся по ней «Метеоров» и «Ракет», теплоходов на подводных крыльях.

У меня вдруг даже захолодело под ложечкой – не от голода, нет! От предвкушения того, что я увижу! Увижу мое детство, которое вспоминается только самым лучшим, самым красивым, самым дорогим… Господи, неужели Ты дал мне такую возможность – увидеть мое детство?! Нет, все равно не верится.

Все равно!

Тем временем машина остановилась перед зданием старинной постройки, на котором было написано: «Приемное отделение». Меня вывели из машины, и я зашагал между двумя санитарами – один впереди, другой сзади. Оба явно не ожидали нападения, да и с какой стати им его ожидать? Во-первых, наверняка они уже давно научились определять, кого стоит опасаться, а кого нет. И это точно зависит не от комплекции. Во-вторых, это только в ужастиках пациенты поедают с зеленым горошком печень санитара. На самом деле 99,9 процента пациентов такие же люди, как и все мы. Просто в мозгах у них что-то щелкнуло, и начали они жить в другой реальности. Сталкивался, знаю. «Настоящих буйных мало…» – говорил великий бард.

Дальше все пошло по накатанной. Меня завели в приемное отделение, тут же загнали в душевую, выдав мыло, застиранное чистое вафельное полотенце, а также больничную пижаму по типу той, что была у Шурика в «Кавказской пленнице». Когда отмылся и оделся (трусов, кстати, не выдали), повели в глубь больницы, по переходам-лабиринтам, и скоро я очутился в небольшой, вполне себе уютной двухместной палате. Если бы не тяжелые решетки на окнах, можно было бы подумать, что находишься в обычной городской больнице обычного провинциального города. Никаких тебе смирительных рубашек, ремней и других пыточных приспособлений. Конечно, они где-то есть, но… не здесь.

Дверь за мной закрыли на ключ. В палате больше никого не было – вторая кровать не застелена. Из чего я сделал вывод: то ли сумасшедших в этом мире поменьше, так что пустуют психиатрические лечебницы и больных можно размещать по одному в палате, то ли меня пока что держат на карантине. И по заразным болезням, и по поведению – вдруг я буйный людоед? Возьму да и сожру ночью своего несчастного соседа!

Через примерно пятнадцать минут мне принесли завтрак – пшенную кашу на молоке, два куска белого хлеба, кусочек масла, вареное вкрутую яйцо и стакан с теплым, как моча, чаем, пахнущим размоченным банным веником. Пшенную на молоке не люблю, но заставил себя все съесть, памятуя о том, что настоящий солдат ест не тогда, когда хочется, а тогда, когда надо. В запас, так сказать.

Поев, завалился на кровать и мгновенно уснул. Уже засыпая, вдруг возмечтал о том, чтобы все это было сном. Пусть и интересным сном, но… все-таки кошмарным… сном. Это в фантастической книге легко: рраз! – и герой в другом

мире, геройствует себе, завоевывает авторитет. А в реальности все это очень и очень печально. Лишиться всего – дома, социального статуса, семьи – это кошмар, а не приключение!

В юности я мечтал о том, что вот прилетят инопланетяне и заберут меня к себе на просвещенную планету. И вернусь я через двести лет, такой весь из себя Мессия, и буду вещать неразумным землянам, рассказывать, как правильно себя надо вести. И то обстоятельство, что останусь без семьи, без родителей, вернусь в незнакомый мир, в котором я на фиг никому не нужен, – как-то меня и не смущало. Я о таком, если честно, даже и не думал! Дурачок…

Сколько я спал, не знаю. Час? Два? Может быть, три часа? Часов я не ношу с тех пор, как ушел со службы. Сотового телефона нет. Как тут узнаешь, который час? Светло, день, солнце вроде как еще высоко стоит, судя по теням.

Меня разбудили словами: «Эй! Вставай!», и через минуту я уже шел по коридору следом за санитаром. Он меня привел к некоему кабинету, оставил сидеть на скамье, очень похожей на садовую, и велел ждать, когда меня вызовут. Я откинулся на спинку скамьи и погрузился в нечто среднее между забытьем и бодрствованием. Эдакое состояние транса, когда поднять подняли, а разбудить-то и забыли.

С полчаса сидел, не меньше. Очнулся, когда меня тронула за плечо довольно-таки симпатичная девушка в белом халате – то ли санитарка, то ли молодая врачиха. Практикантка, наверное, их всегда по больницам целые стаи. Мне было предложено пройти за ней следом, и я вошел в обычный медицинский кабинет – столы, приставленные друг к другу, клеенчатая кушетка, накрытая простыней. Ничего нового и необычного – если ты видел хотя бы один медицинский кабинет, то знаешь, как выглядят все другие.

В кабинете находились пожилая женщина лет шестидесяти или больше, худощавая, в очках с толстыми стеклами, и мужчина лет сорока, импозантный, с испанской бородкой, в очках с золотой оправой. И как бы эти очки не были просто для блезира – не похоже, что стекла с диоптриями. Для красоты таскает, для солидности.

– Здравствуйте! – поприветствовал я присутствующих и посмотрел по сторонам, чтобы определиться, куда сесть. Или лечь – на кушетку, например. Кто знает,

как у них тут принимают больных?..

– Здравствуйте! – ответил импозантный мужчина, с интересом глядя на меня, как энтомолог на редкую бабочку. – Присаживайтесь на стул, вот сюда. Я заведующий отделением, звать меня Михаил Петрович. Это ваш лечащий врач – Зинаида Михайловна. Сейчас мы с вами поговорим и уже тогда приступим к лечению. Но вначале, пожалуйста, разденьтесь.

– Совсем? – как-то глупо спросил я, внезапно вспомнив, что на мне нет трусов. – У меня трусов нет. И боюсь, мой вид не доставит удовольствия этой милой девушке, – кивнул я на «санитарку», копающуюся в бумагах за столом в углу комнаты.

– Кто ему выдавал барахло? – резким, звучным голосом спросила Зинаида Михайловна, взглянув на порозовевшую девушку. – Чего трусы-то не дали? Вечно у вас бардак! Разденьтесь, пусть краснеет! Не знаю ни одного зафиксированного случая гибели женщин от вида мужского члена.

– Ха-ха! Вечно вы, Зинаида Михайловна, как скажете – хоть стой, хоть падай! – рассмеялся заведующий отделением. – Раздевайтесь, больной, не стесняйтесь. Мы все тут врачи, так что… нас не надо стесняться!

– А с чего вы вообще взяли, что я больной? – не выдержал я, криво усмехнувшись. – Вот так сразу решили, что я больной! По каким признакам это можно узнать?

– А это мы сейчас и узнаем – больной вы или нет. В любом случае, вряд ли здоровый человек будет бродить голышом по улицам города в три часа ночи! Вам не кажется?

Я хотел ответить, что мне никогда не «казалось», так как я не употребляю наркоты, но вовремя прикусил язык. Это не то место и не то время, чтобы этот самый язык распускать! Осторожнее надо быть, осторожнее! Но тут же ответил:

– А вы не допускаете, что могут быть и другие причины нахождения человека на улице в три часа ночи голышом? Например, ему могли дать по башке, ограбить, сняв всю одежду, и бросить на обочине, побоявшись окончательно добить! А человек очнулся – памяти нет, кто он есть – не помнит, где находится – тоже не

помнит, как и то, каким образом в этом месте оказался. Амнезия! Умное такое слово. Частичная амнезия! И можно ли при этом считать его больным?

– Можно! – отрезал серьезный заведующий отделением. – Нормальные, здоровые люди памяти не теряют. А значит, вас надо лечить. Пожалуйста, разденьтесь, мы вас осмотрим!

Кстати сказать, в словах этого хлыща был свой резон. А кроме того – кто может переспорить психиатра? И потому я встал и начал раздеваться. Плевать мне на девицу – в конце пятого десятка тебе уже давно плевать, увидит кто-то твой член и голую задницу или нет. Главное, чтобы они были целы, а сглаза я не боюсь. Сам кого хошь сглажу. Смотри, девка, не скажу, чтобы как у негра из порнухи, но совсем даже не микропозорный. Эх, что там, впереди? Залечат на хрен, так и останется… один вид. Психушка! От них всего можно ожидать, ага…

Глава 2

– Никакого удара по башке, как вы выражаетесь, не было. Есть старые шрамы – в правой затылочной части черепа. На теле есть шрамы от пуль и колюще-режущего предмета. А также осколочные.

– Зинаида Михайловна, вы уверены? – Брови Михаила Петровича поползли вверх. – Откуда пули и осколки?! Война-то закончилась…

– И что? Он мог и ребенком попасть под пули. И осколки летели во всех, не разбирали, пацан ты или взрослый мужик. Уж поверьте, я в ранениях разбираюсь. Всю войну в медсанбате прошла, если вы забыли.

– Ну-у… конечно! – завотделением согласно закивал. – Конечно, я вам верю! Просто как-то неожиданно… мирное время, и вот – пули! Только вы уверены, что ранения получены именно тогда?

– Да кто знает… то, что им несколько лет, это определенно. Одно даже сквозное. Навылет пролетела! Чистенько так… калибр небольшой. Итак, судя по состоянию здоровья, нашему пациенту примерно сорок лет.

О как! Я чуть не закашлялся, и мне стоило больших усилий сдержаться. Может, нарочно провоцирует? Чтобы проверить, помню я или нет? Хотя… нет, серьезно говорит. Да и в самом деле – я же спортом занимаюсь и выгляжу получше многих молодых. Да и всегда у нас, Карповых, была такая особенность – мы выглядели моложе своих лет.

В юности это ба-альшая проблема! Из-за девушек. Им на хрен не нужен маленький полутораметровый пацанчик с пухлыми губками, которого так и хочется назвать Мишенькой. Это потом я начал расти, да так начал, что многие из моих друзей и знакомых свободно проходят у меня под мышкой. А тогда… В общем, мне и в самом деле не дашь больше сорока. Ну да, седой, так мало ли что? Многие седеют рано. Жизнь такая! Стригусь я очень коротко, почти наголо, так что и не видно седины. Бороду вот только отрастил, но это просто от лени. Да и жена говорит – мне идет. Мол, на Николая Второго похож. Сомнительное достоинство, конечно, – последнего царя я не уважаю, считаю его виновником всех последующих бед России, но надо признать – мужчиной он был симпатичным. Настоящий полковник!

– Явно не чужд занятию спортом… – задумчиво продолжила Зинаида Михайловна и вдруг без всякого предупреждения злодейски цапнула меня за мошонку и так сжала, что я едва не взвыл. – С мужским делом тоже все в порядке, кое-чем может даже гордиться. Все первичные признаки на месте – видишь, Оленька? А ты все себе жениха ищешь! А тут вон какой джигит! Спортсмен! Мужское достоинство на зависть! А еще – памяти нет. Ты накуролесишь на стороне, а он и забыл! И в семье тишь и благодать!

Оленька захихикала, закрыв пунцовое лицо руками, Михаил Петрович хохотнул, а я возвел очи горе – что мне еще оставалось? Стукнуть зловредную старуху по руке? Вот же старая ведьма! Да чтоб у тебя рука отсохла!

Будто услышав мои мысли, докторша меня отпустила, уселась на свое место, одобрительно разглядывая меня со всех сторон, так скульптор смотрит на изваянное из мрамора произведение своих рук. А я с некоторой досадой почувствовал, что мне сейчас стоило бы прикрыть срам хоть какой-нибудь тряпочкой. Иначе моя мужественность будет совсем уж теперь ясна. Глупо, да – на осмотре у врача! Тьфу!

Отвлечься от хихикающей Оленьки… вспомнить таблицу высот при стрельбе… мысленно собрать-разобрать СВД… Фу-у… отпустило. Чертова старуха! Хм…

интересно было бы посмотреть на тебя в молодости! Небось не терялась… врачиха! Говорили, врачихи оченно любвеобильные!

– Одевайтесь! – позволила Зинаида Михайловна и, когда я судорожно натянул линялые штаны и уселся на место, серьезно и требовательно спросила: – Кто ты и откуда взялся?! Колись, дорогуша! Что за трубку ты требовал у постовых? Как ты собирался звонить жене и кто твоя жена? Где живет?

– Милиционеры что-то напутали… – напрягся я. – Ничего такого я не говорил. Сказал: как очутился на дороге, не знаю, откуда взялся, тоже не знаю. Не помню ни своего имени, ни места жительства. Ничего не помню! Вот что хотите делайте, хоть убейте – не помню!

– М-да… и что же с ним делать? – задумался Михаил Петрович. – Темная история.

– А что делать? Как обычно делать! – удивилась врачиха. – Полежит у нас месяц, понаблюдается. Что-то, может, и вспомнит… если забыл, конечно… – Она внимательно посмотрела на меня пронизывающим взглядом. – Если ничего не вспомнит, дадим ему новое имя, новую фамилию, и… гуляй, Вася! Преступлений-то он не совершил. Все, что сделал, это бродил на дороге голышом, девушек пугал. Олечка, ты бы напугалась, увидев такого типа – голышом?

– Нет, не напугалась бы! – Олечка даже не порозовела и посмотрела на меня странным, туманным взглядом.

– Вот видите – не напугалась бы! – как ни в чем не бывало подтвердила докторша. – И зря, между прочим. От странного поведения до агрессии – один шаг. Вдруг это маньяк?

– Ой, Зинаид Михалн, у нас в этом захолустье не то что маньяков, мужика-то приличного нет! Одни алкаши! – осмелела Олечка. – Замуж не за кого пойти! Или инфантилы, или алкаши! Или старички с пивным пузом!

– Кстати, Безымянный, как ты думаешь, алкоголь употребляешь? – докторша прищурила глаза. – По ощущениям как?

– Нет. Не хочу. Не употребляю! – твердо заявил я и тут же добавил: – А если бы употреблял, для Олечки бы бросил! Только чтобы ее утешить!

– М-да… похоже, что утешать баб ты умеешь, – кивнула докторша. – А как нам тебя звать? Не Безымянным же? Давай вот как сделаем: я буду называть тебе имена, а ты скажешь, на каком имени у тебя возник отклик. Вот оно и будет твоим именем.

– А если не будет отклика? – полюбопытствовал я, чисто из противоречия. Все-таки гнездится внутри недоверие и неприязнь к психиатрам. Повыматывали они мне душу на комиссиях! Однажды я взял да и ляпнул им… На вопрос: «Что вас беспокоит?» – ответил: «Жизнь». Как вцепилась в меня баба-психиатр, такая же волчица, как и эта фронтовичка, и мотала мне нервы с полчаса! «Да-а? И что именно вас беспокоит, расскажите-ка!» Нарочно мотала, сама потом сообщила. Чтобы больше не шутковал с психиатрами – а то быстро статью прилепят!

– А если не будет отклика на какое-нибудь распространенное имя, будешь ты у нас Навуходоносором. Или Ашшурбанипалом. Нравятся имена? Может, тебе Гильгамеш по душе? Или Кетцалькоатль? Так я устрою!

«Не шутите с психиатром! Чревато!» – это надо выколоть на груди и читать каждый раз, как подходишь к зеркалу для бритья. Болван!

– Я понял вас! Готов исполнять!

– Исполняйте! – приказала докторша и начала размеренно, медленно перечислять имена. Остановилась, назвав несколько десятков самых распространенных.

– Ну, на чем сердце екнуло и анус сжался? – грозно прикрикнула Зинаида Михайловна.

– Михаил! – пискнул я и тут же закашлялся, скрывая эмоции от зоркого глаза докторши. – Пусть я буду Михаилом! Мне это имя больше всего нравится. Почему-то.

– Ага. А отчество? Поехали! Михайлович… Андреевич…

И так еще минут пятнадцать. Я сдался на Семеновиче.

– Михаил Семенович. Значит, вот как тебя звать! – усмехнулась женщина. – Ну что, Михаил Семенович… утром на анализы. Олечка все примет, она дежурит. Лежишь, ешь, пьешь. И не буянишь. Задача понятна? Понятна. Из палаты выходить нельзя – ты пока в карантине. Вопросы?

– Мне бы почитать… можно мне газет, журналов? Тошно просто так лежать. И телевизор бы…

– Ха-ха-ха! – это уже Олечка. – Телевизор ему! Тут на отделение не выбьешь, а ему в палату! Ну и больной! Ну и затейник!

– Будет тебе телевизор… Баночки для кала и мочи сейчас получишь. Потом на кровь, флюорографию и все такое прочее. Обследуем тебя по полной! Газеты? Да соберем тебе газеты – «Правда», «Известия», «Труд»… все есть. Как психбольным без «Правды»? Никак нельзя!

– «Правды» нет, остался один «Труд», – задумчиво, под нос сказал я, и докторша фыркнула – явно она знала этот анекдот. Оппозиционерка?

На этом, в общем-то, наша встреча и закончилась. Обратно меня повела Оленька, и я рассмотрел ее во всех подробностях. Ну… почти во всех подробностях. Приятная девочка – ладненькая, спортивная, не толстая, но и не тонкая. Крепенькая, вот так можно сказать. Такими бывают акробатки или танцовщицы рок-н-ролла. Худышками их точно не назовешь. Вот и Оленька была такой, насколько позволял судить больничный халат. Один раз даже, когда проходили мимо окна, солнце осветило ее с ног до головы и просветило насквозь халат, сделавшийся полупрозрачным. И я, старый кобель, которому она в дочки годится, с удовольствием и некоторой тоской разглядел и тонкие трусики, и отсутствие лифчика. Нескромно с моей стороны и глупо – что у меня может быть с ней? Старый, седой, полусумасшедший мужик и молодая, красивая (а она красивая, да!) начинающая докторша. Что у нас может быть общего, кроме этой больницы? Ничего.

Но помечтать-то можно? Тем более что я уже с неделю не занимался сексом. То я занят, желания нет, то жена умоталась и на все разговоры отвечает только: «Спи! Спи давай!» А подкрадываться и решать вопрос с ней со спящей – как-то и

стремно. Вроде как с искусственной женщиной – от спящей почти никакого отклика, дрыхнет себе, и все тут! Никакого интереса. Я же не некрофил, в конце-то концов! Мне нужна страсть! Стоны, крики, извивающееся в объятиях тело – тогда и мне вдвойне приятней.

Кстати, а нормально ли это – я еще и суток не пробыл в этом времени, пережил дичайший стресс, можно сказать – заново родился, и первое, о чем думаю, – как бы взять вот эту девушку да… взять. Может, я маньяк? Нет, верно сказал Михаил Петрович – это сумасшествие. Я сумасшедший!

А все-таки странно на меня поглядывала девчонка. Не как на пациента. Ну да, я стоял голышом в пяти метрах от нее, так что с того? Это мужчины возбуждаются от вида голых особей противоположного пола, а женщины… Хотя… почему бы и нет? Я вроде не урод и в хорошей форме. Почему бы двадцатилетней девочке не заинтересоваться мной как мужчиной?

Мечтатель. Чертов мечтатель! Да кому я нужен такой – седой, битый жизнью? Синдром Мао, так я это называю. Говорят, его обкладывали четырнадцатилетними девочками, грели холодеющее старое тело. Чтобы он высасывал у девочек молодость и здоровье. Упырь.

Может, в этом что-то и есть. Ведь не зря же старые олигархи разводятся со своими женами, с которыми прошли огни и воды, и женятся на молодых девках. Может, подсознательно считают, что так продлят свою молодость? Впрочем, скорее всего, они идиоты.

– Оленька, прости за глупый вопрос: а куда мне делать свои делишки? Туалета-то нет! А выходить мне нельзя, не пускают!

– А в горшок! – мило улыбнулась Оленька. – Санитары потом вынесут! Пока нельзя, да. А газет и журналов я вам принесу! А может, книжку еще? Принести книжку? Я с собой на работу брала, на дежурство. Уже прочитала. «Трудно быть богом» называется.

– Если не трудно, принеси, – кивнул я, сдержав вздох. Ведь я знал эту книгу почти наизусть. Почитай, вырос на ней.

Увы, испохабили ее людишки. Фильм сделали по ней такой, что режиссеру хочется дать в морду. И немного его жаль. В страшном мире он жил, в ужасном мире – вокруг грязь, грязь, грязь… а в грязи копошатся люди-уроды. И только герой – постоянно пьяный, но хороший – возвышается над уродами весь такой в грязно-белом. Я не смог смотреть ЭТО. ЭТО оскорбление, извращение моего любимого романа.

Оленька сдержала слово. Принесла мне кучу газет – здоровенную стопу, из «Красного уголка», наверное. Что такое «Красный уголок»? Старшее поколение помнит. Это такая комната, где висели плакаты-призывы к наилучшему социалистическому труду и лежали пачки-подшивки идеологически выдержанных газет типа «Правды», «Труда», «Известий». Читать их можно было только на последней странице – только там могло проскочить что-то интересное. Да еще на первой – там печатали всяческие указы. В остальном – пропагандистские статьи, битва за урожай и репортажи с полей сражений с мировым капитализмом. Эти газеты, рупоры власти, использовались обычно совсем не по назначению. Например, у родителей в селе в деревянном сортире на гвоздике висела пачка нарезанных на четвертинки этих газет. Тогда как-то не задумывались о том, что в типографской краске содержится свинец, способный вызвать рак прямой кишки. Возможно, потому у нас и не было рака прямой кишки. А стоит о нем только задуматься…

Я почитал газеты, убеждаясь в том, что не ошибся и что не являюсь объектом тупого и дорогостоящего розыгрыша. Все верно – я в 1970 году, и сейчас третье июня. Начало лета. Из газет я почерпнул, что вся страна готовится к столетию рождения Ленина, а посему упорно трудится, дабы встретить… обеспечить… превзойти… и так далее. А больше в газетах по большому счету ничего и не было. Ну, вообще ничего! Даже удивительно, по контрасту с 2018 годом, когда любое новостное СМИ расскажет тебе о чем угодно, по крупинкам собирая новости со всего мира. Здесь этого не было совершенно. Суконный язык, суконные слова, фразы, предложения. Не СМИ, а всего лишь агитационный листок – вот что такое нынешняя газета.

М-да… отвык я уже от такого. Совсем отвык! Заново придется привыкать. «Здесь вам не тут, чтобы – вот!»

Закончил чтение газет поздней ночью. Больница уже спала, вокруг было тихо – и в гулких коридорах, и за окном, где днем шумели деревья, раскачиваемые ветром. Небеса вроде как грозились наслать дождь, а сейчас уже все стихло.

Я подошел к окну, уткнулся головой в стекло и стоял так минут десять, вглядываясь в темноту парка, будто пытаясь прозреть свое ближайшее будущее. И виделось оно мне не шибко хорошим. Да и с чего ему быть хорошим? Как мне, добивающему пятый десяток, заработать в этом чужом мне мире? Заработать и деньги, и социальный статус?

Пока что у меня не было ответа на этот непростой вопрос. Ну что я умею делать? Кроме как графоманить? Драться. Стрелять. Машину водить. Что еще? Ни-че-го! Мешки только если таскать. Но это все могут. И таскание мешков меня никак не прельщает.

Я не знаю точных мест, где закопаны клады. И даже если бы знал – куда с этим самым кладом пойду? Только если в милицию – сдавать. Хоть 25 процентов дадут. А если начну искать покупателей, меня или попытаются кинуть, или сдадут ментам. А скорее – и первое, и второе сразу. Я ж не наивный мальчик, знаю жизнь.

Тогда что мне остается? Единственный вариант – зацепиться за жизнь и делать то, что я делал на протяжении нескольких последних лет, – писать фантастику! Ей-ей, здешний народ еще слыхом не слыхивал о фэнтези! Если не считать Толкиена, конечно. Но я не знаю, кто-то уже его перевел на русский язык? Издали его в СССР? Сомневаюсь. Точно не помню, но впервые его издали у нас, по-моему, в девяностые… дай бог памяти. Но, может, и раньше. В семидесятые советские фантасты обычно писали или про космос, который бороздят корабли развитого коммунизма, либо про американских шпионов, строящих козни славным советским ученым. А вот сказок для взрослых не было! И если взять сюжет моих прежних книг, обработать его в рамках соцреализма и социалистической морали, можно стать настоящим советским писателем! А это и деньги, и статус, и бесплатная квартира, и оплаченный творческий отпуск в доме отдыха писателей. Это все, что нужно для безбедной жизни!

В 2018 году средний писатель зарабатывает меньше ассенизатора. И котируется примерно так же. Ничтожество. Графоман, который («сволочь какая!») хочет денег за свои измышления и не желает отдавать свои тексты бесплатно.

В советское время писатель – это Величина. Он обязательно состоит в Союзе писателей, и потому никто не может его законопатить на зону – за банальное тунеядство. Да, помню – в советское время была такая уголовная статья, и, если

верно помню, судили по ней поэта Бродского. Которого, кстати, я не очень-то и люблю. Есенин – это да! Или Гумилев. А вот Бродский – не очень. Впрочем, это все вкусовщина… наверное. Если только король не голый… Но я вообще отличаюсь дурным вкусом. Например, не люблю Достоевского…

Улегшись спать, еще долго не мог заснуть. Может, потому, что выспался днем. А может, потому, что у меня уже давно график не такой, как у всех людей, – дома я вставал в десять-одиннадцать утра и ложился в три-четыре часа ночи. Ночью хорошо работается. Никто не мешает – не топает, не вопит, не требует странного. Пиши себе да пиши…

Еще бы платили побольше, а то совсем уж труба дело. Я-то еще как-то выживаю, потому что пишу неплохо, умею интересно писать. А вот коллеги с текстами послабее – те уже совсем в заднице. Неинтересны издательствам их книжки. Вернее, не издательству не интересны, а читателям. Не покупают. А раз книги не продаются – значит, издательству такие писатели не нужны. Закон рынка, однако…

Кстати, а может, уже и начать писать? А что – попросить бумагу, авторучку и писать себе потихоньку! Вот только беда – разучился я писать вручную. Совсем разучился. На компьютере печатал, и только так. Вот если бы на печатной машинке… Это не совсем то, но все-таки похоже.

Или надо тренироваться в написании авторучкой. Возьму какой-нибудь свой сериал, например про Найденыша, и попробую его повторить. А может, что-то другое напишу – сюжетов море! Тут ведь вот какая штука – если бы я помнил свои книги дословно… переписывал бы, как из файла, – тогда другое дело. А так получится, что я пишу книгу заново. И какой тогда смысл в тупом повторении сюжета? Даже хуже будет – стану вспоминать, что было написано в изданной книге, и заторможу написание. Нет уж… по-другому сделаю. Так сделаю, чтобы было идеологически выдержано в стиле соцреализма. Покажу разнузданный капитализм или средневековое зверство иного мира. И все будет отлично! Уверен – будет!

С тем я и уснул.

Спал я хорошо, спокойно. Ничего не снилось, и, когда утром меня разбудила Оленька, чтобы отправить на анализы, проснулся бодрым и здоровым, готовым к

великим свершениям. Я умный, пока что здоровый и молодой телом – неужели, зная будущее, не смогу занять в этом мире достойное положение?!

С этими позитивными мыслями я отнес баночки с отвратительным содержимым туда, куда мне сказали отнести. Затем мной занялась не первой молодости дебелая женщина, безжалостно вонзившая в мой палец острую стальную занозу.

Вот чего я ненавидел всю свою жизнь – так эту пыточную процедуру! Ненавидел и боялся! Что дама и заметила, отпустив пару шуточек о здоровенных мужчинах, которые боятся крови.

Дура! Я не боюсь крови! И видел ее столько, сколько тебе и не снилось! Видел раздавленных гусеницами БМП людей в Афгане. Видел в Чечне литовскую снайпершу, кишки которой были разбросаны по кустам! Почему разбросаны? Да был у нас один… Гинеколог его кликуха. Выкупили его из зиндана за два комплекса ПВО «Стрела». Так вот он ненавидел этих снайперш, их называли «белые колготки», прямо-таки лютой ненавистью. Поймали одну «на горяченьком», так он ее подорвал, да так подорвал, что и вспоминать паскудно… Гинекологом его после того и прозвали.

Но никто его не осудил и никто не донес начальству. Она ведь как делала: подстрелит одного нашего не до смерти, а когда его начинают спасать – валит остальных, спасателей. Тактика такая… Ее спецназ взял, едва успели. Выследили. Жесткая телка была. Только материлась и проклинала перед смертью.

Флюорография – «не дышать!». Рентген не стали делать – а смысл какой? У меня что, сломано что-то? А вот флюорография обязательна – вдруг у меня туберкулез. Перезаражу всех на хрен.

Обратно меня вел санитар, Оленьки уже не было. Видать, сменилась со службы. Скорее всего, послезавтра появится.

Так что без лишних разговоров привели меня в мою комнату, где я и успокоился на кровати, вперив глаза в потолок и обдумывая дальнейшие шаги. С чем и задремал – такое интенсивное обдумывание ввергает в сон, особенно когда знаешь, что у тебя впереди полным-полно времени, которое нужно чем-то заполнить.

Два дня меня никто не беспокоил. Я спал, а когда надоедало – приседал, отжимался, сохраняя физическую форму. Меня не дергали, никуда не водили, только приносили еду да водили до туалета с моим здоровенным горшком, в который я делал свои делишки. Отвратительно, конечно, – эдакий младенец-переросток на горшке, но что поделаешь? Правила такие, и кто я такой, чтобы против них бунтовать? Да и не дадут мне бунтовать, быстро на место поставят! С такой-то бабищей-врачихой!

Жесткая бабка, да. Но она мне чем-то нравится. Люблю таких жестких, мужеподобных баб. Нет, не лесбиянок каких-нибудь, а баб «с яйцами», которые мужикам сто очков вперед дадут и не поморщатся. Верю, что всю войну в медсанбате прошла. Насмотрелась небось… Сколько ей тогда было? Если сейчас, в 1970-м, ей, к примеру, лет шестьдесят… то в 1941 году ей было… Тридцать один год?! В самом соку баба! Когда уже и не девочка, знает толк в сексе, не питает никаких иллюзий, но еще сохранила фигуру и находится в самом расцвете красоты. И тут… война! Фронт!

Кстати, она и сейчас сохранила следы былой красоты. Если одеть ее получше, сделать прическу не как у старой комиссарши – получится вполне симпатичная пожилая мадам!

Что это меня… разморило? Я что, геронтофилом стал, что ли? Она намного старше меня! А мне всегда нравились молоденькие девочки, а не пожилые метрессы.

Впрочем, сексуального интереса тут совсем никакого. Вообще нет. Просто интересный персонаж. Мне, писателю, всегда нравились странные типажи. Вот и эта женщина – я бы с ней с удовольствием пообщался, поговорил бы за жизнь. И юмор у нее смешной. Может, потому смешной, что солдатский? А я привык к такому юмору – соленому, хлесткому. Солдатскому.

Через два дня появилась Оленька. Она забрала у меня «Трудно быть богом» и принесла еще несколько книжек, хотя я и не просил. Принесла Джека Лондона, Казанцева. Оказалось, она довольно-таки романтична, любит фантастику и приключения. А книжки берет в библиотеке – в той самой, областной, что в здании кинотеатра «Ударник». И перечитала много, очень много книжек, что, честно говоря, меня порадовало – люблю начитанных девушек! Нет – просто так люблю, без всяких там сексуальных мечтаний. Но,

если красивая девушка еще и начитанна… нет ей равных!

Кстати, очень даже отличается от моих современниц. Спросил ее, знает ли она о Рихарде Зорге? Тут же мне чуть ли не биографию разведчика выдала! А я ведь только перед тем, как попасть в этот переплет, отправлял документы на книги в издательство по адресу: Зорге, 1. Так вот, девица на почте меня три раза переспросила, как написать это слово: «Зорги? Зорьга? Зоргив?» Я не выдержал и спросил, знает ли она, кто такой Рихард Зорге. Девица не знала. Не знала и ее коллега. И только дама постарше, начальница, сказала, что слышала такое слово, но не помнит где. Мне стало даже немного досадно. Человек-то не рядовой! Не какой-нибудь голубок из попсы! Голубка они знают. А Зорге – нет. Увы…

Оказалось, что лет Оленьке не так уж и мало. Это выглядела она совсем юной – мордашка, как у школьницы-выпускницы, небольшой рост, аккуратная фигурка спортсменки. А на самом деле ей было уже – «уже», черт побери, кто бы говорил! – двадцать четыре года. В медицинском учатся долго, шесть лет. А потом – интернатура, пока не позволят работать самостоятельно. Оленька выбрала специализацию «психиатрия». Почему – сама не знала. Нравится ей это дело, вот и все. Да и свою руководительницу она знала еще с института, где та читала лекции по специальности. Вот и перетянула ее к себе в больницу.

А родом Оленька из райцентра Красный Кут – забытой богом дыры посреди заволжских степей. Отец ее давно умер – сердечный приступ, не спасли; мать – учительница русского языка. Кстати, моложе меня. И я мог бы быть отцом этой самой Оленьки, коленки которой сейчас разглядываю… Интересно, может ли это считаться педофилией? Глупости, конечно… лезет в голову всякая чушь!

Кстати, да – она занималась спортом. Легкой атлетикой. Оттуда и ее крепкая спортивная фигурка, так соблазнительно обтянутая халатиком.

Почему не замужем? А когда было невеститься? Учеба, практики… Ну да, встречалась с парнями… но до женитьбы дело не дошло. Но оно и понятно – из глухой провинции, без связей, без денег, без квартиры. Кроме мордашки и фигурки – ничего больше нет. В городе снимает комнату в трехкомнатной квартире у одной старушки – недорого, вот и живет. А на интернатуру только что вышла – учиться еще год, и только потом будет настоящим врачом.

Все-таки открытый народ в 1970 году. Вывалила Оленька мне всю свою подноготную, чуть ли не размер бюстгальтера указала. Впрочем, я и сам вижу, какой у нее размер. Нетрудно прикинуть – не первый год живу на белом свете.

Одно мне было непонятно – ее интерес ко мне. Зачем? Я не ее возраста, не ее круга общения. В принципе – у нее вообще не было никакого круга общения после того, как она перешла в интернатуру. Одногруппники все разбежались кто куда: в терапевты, в хирурги, там престижнее. Психиатры не очень-то в цене.

Хотя… как посмотреть. Выгодная должность для психиатра – где-нибудь в психдиспансере. Справки выдавать. За мзду. А потом удивляемся, когда какой-то придурок расстрелял соседей. Или подавил прохожих машиной. Справка-то куплена! Работа в психиатрической лечебнице только для энтузиастов.

Ну… это уже мои домыслы. Из моего времени. Как у них на самом деле, я не знаю. Спрашивать же об этом Оленьку как-то и неудобно. Потому я оставил это на потом.

Само собой, мы не сидели с ней непрерывно, весь день. Она уходила, делала свои дела, работала с другими больными. Но каждый раз возвращалась, и мы снова с ней говорили обо всем на свете. Удивительно, но девочка двадцати четырех лет и старый вояка-циник вдруг обнаружили родственность душ. Так бывает. Наверное.

Я попросил Олю принести мне общие тетрадки и авторучку, мол, возникло у меня вдруг желание кое-что написать. Она пообещала, даже не спросив, что именно я собираюсь писать. А я говорить не стал. Потом как-нибудь. И кстати, Оленька сообщила, что теперь постоянно будет работать только в день – раньше она подменяла врача, хотя по большому счету это запрещено. Нельзя интернов ставить в ночные дежурства. И вообще нельзя подпускать к больным с тем, чтобы интерны ставили диагнозы и лечили. Но, как всегда, врачей не хватает, и приходится идти на нарушения. Хотя тут, в психушке, это не так уж и важно. Не хирургия все-таки и не терапевты. Жизнь спасать не придется.

Так у нас и продолжалось с неделю – я читал книги и писал в тетрадку, сосредоточенно нарабатывая навыки ручного письма. Оля приходила в палату, рассказывала мне о своей жизни, я же… я слушал и думал о том, что очень хочется ее поцеловать. И при этом совершенно точно знал: как только я такое

сделаю, тут же наша дружба и закончится. Не знаю, почему я так решил, но… вот знал, и все тут!

Похоже, что она воспринимала меня как некую бородатую подружку. Безопасного и незлобивого друга, от которого не нужно ждать ничего такого, чего ждешь от обычного мужчины. И я никак не мог понять – с чего это она решила, что я совершенно безопасен? Имеется в виду – в сексуальном плане. Ведь видела же – я вполне… хмм… работоспособен! Ну… когда меня докторша слегка помяла.

Кстати сказать, докторша тоже захаживала. Мельком оглядывала, задавала стандартные вопросы: не вспомнил ли я чего-то из прошлой жизни? И уходила, окинув меня внимательным строгим взглядом. Мол, врешь ты, и я это знаю, просто не хочу пока что тебя разоблачать.

В одно из своих посещений Оля сообщила мне, что приходили из милиции – по мою душу. Рассказывали, что я жестоко избил сокамерника и что меня надо за это судить. На что Зинаида Михайловна ответила, что они сами сплавили меня в психушку по причине того, что я совершенно неадекватен. Проще сказать – абсолютный псих. И глупо было бы ждать от психа нормального поведения. И по поводу покалеченного сокамерника высказалась: а кто видел, что пациент его калечил? Может, они сами задержанного набуздали, а теперь пытаются перевесить преступление с больной головы на здоровую! Знает она, как ведутся дела в этом РОВД! И не только в этом! Так что шли бы они…

В общем, ушли несолоно хлебавши. Я вообще-то их понимаю – сейчас начнется служебное расследование, могут полететь головы. А как было бы удобно – взять и повесить дело на психа! Просто замечательно все бы сложилось!

Да хрен им. Пусть выкручиваются, как хотят. Не фиг было совать этого ублюдка в мою камеру. Небось пачкать в других камерах не хотели. Камер-то вообще-то было более чем достаточно! Зачем было ко мне совать? Покошмарить, попрессовать? Скорее всего так. А значит – расплачивайтесь по счетам, идиоты! Перемудрили.

Через неделю, видимо, сочли, что я не очень опасен для окружающих, если не считать опасной мою графоманскую писанину, так что теперь я мог выходить в коридор, в столовую, посещать душ и туалет. И последнее было большим

счастьем, которое может понять только человек, запертый в комнате и лишенный элементарных бытовых удобств (посидите-ка в комнате рядом с наполненным горшком! Пусть даже и накрытым крышкой). Я тут же сходил в душ и минут двадцать стоял под секущими тело струями горячей воды. Все-таки не зря у буйных психов есть процедура под названием «контрастный душ» – реально успокаивает.

Намытый, чистый, отправился в свою комнату и с большей энергией принялся описывать приключения своего героя в мире средневекового чистогана. Герой как раз поступил в отряд наемников, сбежав из дома, и готовился к будущим сражениям, усиленно овладевая искусством мечевого боя.

Народу должно понравиться! Из грязи да в князи – настоящий пролетарский сюжет!

И тут задумался… как бы не промахнуться. Вообще-то императоры в СССР как-то не в чести. Надо будет вывести империю настоящим адом для людей, а герой будет освободителем угнетенных и порабощенных. Социалистическую идею продвину – он же комсомолец, в конце-то концов! И пусть он станет не императором, а кем-то вроде президента – демократия и все такое прочее. Но только в конце серии. А пока трудностей ему подкину, пусть себе преодолевает. Предателей побольше – троцкисты, так сказать! Ну и «любофф» – как без «любофф»? Он же не гомосек какой-то, чтобы бродить по миру без женщин! «Первым делом, первым делом… революция! А гаремчик? А гаремчики – потом!» Нет, без гаремчика обойдемся. Это не для советского человека! Аморалка!

Любовный треугольник – это да. Без треугольника нет интриги. И пусть борются за своего любимого с оружием в руках. Пусть в него влюбится принцесса врага-императора. Пусть отдаст за него свою жизнь, спасая от подлого удара в спину со стороны жестокого отца. Оптимистическая трагедия, так сказать.

Книжки четыре или пять в серии – больше я не выдерживаю. Не могу. Тем, кто пишет серии по тридцать книжек, памятники надо ставить при жизни. Уже к пятой книжке начинаешь ненавидеть героев и хочешь их убить. А это неправильно! Герой должен жить! Главный герой. Могут умереть все вокруг, весь мир в труху! Но герой пускай живет.

Через десять дней после того, как я оказался в психушке, ко мне в палату (а я так и жил в ней один) пришла Зинаида Михайловна. Войдя, она поздоровалась, осмотрела меня сверху донизу, а я сидел за столом с авторучкой в руке, потом повернулась к двери, вынула из кармана связку ключей и, не торопясь, заперла замок.

Я слегка удивился, но ничего не сказал. А что тут скажешь? Вообще-то я тут не хозяин. Скорее наоборот – узник. Да, именно узник! Я арестант, которого поместили в психушку. И прав у меня столько же, сколько их есть у домашнего кота. Впрочем, у кота прав гораздо больше.

– Слушаю, моя дорогая Зинаида Михайловна! – как можно ласковее улыбнулся я. – Пришли сообщить, что выпускаете меня в мир? Снимаете с довольствия? Давно пора! Сколько я уже продуктов зря прожрал! И никакой помощи в строительстве коммунизма любимому государству!

– Все шутишь? – Зинаида Михайловна явно не была настроена на стеб, и я посерьезнел:

– Нет, я серьезно! Сколько я еще буду тут валяться? И кстати, вы мне что, справку дадите? Как это вообще будет выглядеть? Как мне паспорт получить?

– Справку? Справку… а какую тебе справку? Что ты здоров и придуриваешься? Водишь нас за нос?

Я едва не вздрогнул. Это как так? Чего это она? Хм… Оленька! Ах, вот в чем причина! Я-то думал, что она ходит ко мне, потому что я такой весь из себя красавец мужчина, настоящий мачо! А она выспрашивает все и потом передает начальнице. Ах ты ж…

Вообще-то я зря так возбудился. А чего ожидал? Что все будет вот так легко и просто? И правда, вдруг я американский шпион?! Весь такой в ранениях. Кто там у нас по всему миру, а конкретно во Вьетнаме воюет? То-то же… Наши люди не воюют, и ранений от пуль и осколков у них нет. По крайней мере – СТОЛЬКО ранений. До Афгана еще несколько лет… Ладно. Девочка просто работала.

– Объясните? – спросил я спокойно, стараясь не подпускать в голос больше ледка, чем нужно. И так его хватало для покрытия стен толстым слоем инея.

– А что там объяснять? С провалами в памяти так себя не ведут. Не пишут книжки. Не занимаются странными упражнениями… что-то вроде боя с тенью…

Это и был бой с тенью!

– …Не разговаривают так связно и логично. Ты что думаешь, ты у нас первый человек с провалами памяти? Видел других пациентов? Вот среди них десять процентов – с провалами памяти! Отделение у меня такое. Специализация такая. Повреждения мозга и как следствие – всяческие с этим связанные отклонения в психике. А ведь я еще и хирург, не забыл? Не забыл. Но я еще и невропатолог. Так уж сложилось. Так вот, нервные реакции у тебя, как у молодого. Ни запаздываний, ни каких-то отклонений. Ты абсолютно здоровый человек. Только вот зачем-то изображаешь из себя потерявшего память. И не хочешь рассказать, как ты очутился ночью на дороге между Саратовом и Усть-Курдюмом.

– Да не знаю я, как там оказался, черт подери! – неожиданно для себя взорвался я. – Для меня самого это загадка! Если бы я знал, сидел бы я здесь, черт вас всех возьми?!

– То есть, – медленно и вдумчиво начала Зинаида Михайловна, – если бы ты знал, как оказался на той дороге, то немедленно нашел бы способ отсюда уйти? Без документов? В одних тапках?

Я посмотрел на нее и ничего не сказал. Ну что я скажу? Если бы был уверен, что там, на дороге, есть какой-то портал, соединяющий мой мир и этот, я бы обязательно сбежал? Ясное дело, сбежал бы! И вернулся бы домой! Меня дома все устраивало.

Почему я применил словосочетание «мой мир»? Да потому что перемещаться во времени нельзя. Глупости это все – с путешествиями во времени! А вот переместиться в параллельный мир, в котором время течет медленнее и который в точности копирует мой мир, – это запросто. Потому что параллельных миров, как говорят маститые ученые, бесчисленное множество. И возможно, все они повторяют друг друга. И эта теория полностью укладывается в другую теорию, по которой путешествовать во времени нельзя, так как ты рискуешь изменить свой мир (вспомним «Эффект бабочки») и создать парадокс.

Известнейший из парадоксов путешествий во времени – это убийство собственного дедушки (никогда не понимал этого зверства, ну да ладно!). Убил дедушку до того, как он зачал твоего родителя, и, значит, ты не родился. А раз не родился, то не мог вернуться в прошлое и убить своего дедушку.

А вот если миры параллельны и отличаются лишь течением времени… тогда все нормально. Я в мире, в котором сейчас 1970 год. И в котором я появлюсь на свет в ноябре, как и положено здешнему мне. И убей я отца до моего зачатия – ничего этим не изменю. В моем мире не изменю! Только в этом.

– Зинаида Михайловна, что вы от меня хотите услышать?

– Правду, что же еще-то? – делано удивилась женщина, и ее голубые глаза блеснули. – Я вранье чую за километр! Доказать не могу, да. Но чувствую, что ты врешь. Итак… как ты оказался на дороге?

– Не знаю, – хмыкнул я и скривился, как от зубной боли. – Зинаида Михайловна, а если я расскажу вам правду, вы не всадите мне добрую порцию каких-нибудь ваших злых снадобий? Ну вот решите сейчас, что я спятил, и заколете меня уколами! Или лоботомию сделаете, как в «Полете над гнездом кукушки»! И превращусь я в овощ! Нет?

– Где? Что ты сказал? Что за полет?

Я едва не выругался. Черт! Прокололся! Анахронизм! Когда создали этот фильм с Джеком Николсоном?! В семидесятые?! Восьмидесятые?! Когда?!

– Не важно, какой полет… – вздохнул я, пожал плечами и… – Началось все с того, что некий мажорчик подрезал мою машину на «Мерседесе»…

– Зинаида Михалн… нехорошо как-то! – Оля беспомощно посмотрела на свою руководительницу и пожала плечами. – Это что получается, я шпионка?

– Дурочка ты! – Женщина усмехнулась, укоризненно помотала головой. – Ты же не в тылу врага! Ты работаешь с пациентом и в непринужденной обстановке пытаешься разобраться в его психике. Если он болен, ты наметишь путь, по которому пойдешь в лечении. Если он преступник, скрывается от закона, ты тоже поможешь. Да, да, поможешь! Ему, а может, и людям! Вдруг он маньяк?! Убийца?! Ну что ты так вытаращилась? Я что тебя, спать с ним заставляю? Хотя и в этом ничего такого нет. Если поможет делу, конечно! Кстати, он на тебя запал – видела, как реагирует?

– А зачем вы его… хм… – Оля запнулась, замолчала, но женщина поняла.

– Зачем за гениталии схватила? Ну, во-первых, как хирург я определяю, все ли с ним в порядке – физически. Во-вторых, и самое главное, – мне была интересна его реакция на неожиданный раздражитель. Ты никогда не замечала, как психически больные люди с провалами памяти реагируют на странное? На то, чего не ожидают? Кто-то вздрагивает, будто хочет спрятаться, кто-то застывает в ступоре, кто-то сразу проявляет агрессию. Этот даже не вздрогнул, будто готов ко всему. А еще – посмотрел на тебя, на грудь, на коленки – будто это не я, а ты держишь его за причиндалы. И… возбудился. И поставлю рубль против сотни, что не я была в его радужных мечтах. Кстати, а мужик-то хоть куда! Жизнь его потрепала, это видно, но развит великолепно! Форму поддерживает, и реакция – как у спортсмена! Олимпийского чемпиона! Странный парень… Так что говоришь, руками и ногами машет?

– Да-а! И странно так, интересно! Я в дырочку подглядывала… – Оля слегка сконфузилась и порозовела. – Разделся до трусов и давай махать руками и ногами, будто кого-то невидимого бьет! Может, он и правда бьет? Ну-у… видит врага? Галлюцинации?

– Это бой с тенью называется. Боксеры так тренируются, – улыбнулась Зинаида Михайловна. – А он кулаками машет?

– И кулаками, и ногами бьет. Руками так… странно машет. Я вот представила, если он двинет своей ручищей… костей ведь не соберешь!

– Вот как? Боишься? Кажется, что он тебя сейчас ударит?

– Хм… совсем нет… он добрый. Добрый и смешной! Шутит все… и да, я ему нравлюсь. Точно, нравлюсь, я чувствую. Но он опасается меня.

– Чего опасается? Того, что ты из администрации больницы?

– Нет. Считает себя совсем стариком, и… ну как бывает вот… я ведь выгляжу совсем молоденькой. Совсем девчонка. Ну вот он и думает, что я ему в дочки гожусь, и стесняется. Но при этом меня… хм… хочет. – Оля поджала губы, опустила глаза.

– А ты? Тебе он нравится?

– Нравится! Он сильный такой! И рядом с ним… спокойно. Знаешь, что он не предаст, не бросит, заступится! И наплевать ему на всех – он сделает так, как должен! Я залезла в его записи, пока он ходил в душ, почитала… знаете, как здорово! Никто так больше не пишет! Почерк, правда, ужасный, еле разобрала, но то, что прочитала, меня просто поразило! Он писатель! Он настоящий писатель, уверена! А его спросила – говорит, не помню. Вот захотелось писать, и пишу! Нет, все-таки нехорошо это! Он ко мне с доверием! С дружбой! А я подглядываю, подслушиваю и доношу!

– Но ты ведь только мне рассказываешь? Больше никому?

– Только вам…

– Ну и вот… я же лечащий врач. И ты его врач. И ты следишь за тем, чтобы он чего-нибудь не натворил. И теперь мы знаем, чего от него ждать. И чего не ждать. Думаешь, он не опасен?

Девушка задумалась, помолчала минуту, подняла глаза на свою начальницу:

– Он опасен. Для врагов. И, наверное, более опасного человека я не встречала! Он ходит, как кот. Огромный такой кот… тигр! Вроде ласковый, мурлычет, улыбается, но клыки… в палец длиной! Не стоит его иметь своим врагом! Разорвет!

– Хм… какие тонкие, эпичные определения! Да ты сама писательница, милочка… Да ладно, я понимаю… мужчина он видный. Он бывал в переделках, видел смерть – это накладывает на мужчин отпечаток. Они становятся другими. Не хорошими, не плохими – другими. Это надо чувствовать. Я насмотрелась такого на войне… Ну ты как думаешь, он нормален?

– Нормальнее всех нас! – с жаром воскликнула девушка и покраснела.

Зинаида Михайловна бросила на нее взгляд и невольно вздохнула. Когда она разучилась краснеть, как эта девчонка? Когда вышла замуж? Или когда первый раз переспала с другим мужчиной, не мужем? А может, она вообще не умела краснеть? Теперь уж и не помнит… давно это было. Тысячу лет назад! Она уже давно кажется себе таким мамонтом, динозавром, такой древней развалиной, что такие вот девчонки не вызывают никакого чувства, кроме желания высморкать им нос и усадить на горшок. А ведь ей самой было столько же лет, когда она отправилась на фронт! Когда делала операции, падая от усталости. Однажды даже в обморок упала возле операционного стола и потом спала в углу медицинского шатра, прямо на брошенной на землю плащ-палатке. Через нее перешагивали, рядом кричали, стонали, но она ничего не слышала, провалившись в сон, как в темный колодец. Ей тогда было двадцать четыре года! Как этой дурочке, влюбленной в пациента. Влюбленной, точно! Зинаида Михайловна видела это так ясно, как если бы на лбу Оленьки было написано: «Я люблю Мишу!» Дурочка она, Оленька… мутный он, Миша. Свяжется с ним – хлебнет горя. Не тот он человек, чтобы связать с ним свою жизнь. Хотя… будь она, Зинаида Михайловна, помоложе… хотя бы десяток лет скинуть! И… вцепилась бы в мужика и не отпустила. И правда, веет от него надежностью, силой… не показушной, не пижонской, а просто мужской силой, когда и врагу башку разобьет, и проблемы твои решит.

И смотри-ка что… книжку пишет! Писатель! А по нему и не скажешь… вон какой мордоворот! Вояка или спортсмен. Или спортсмен-вояка. Но то, что он никакой не больной, потерявший память, – это рупь за сто. И Оленька утвердила в этом диагнозе. Симулянт! Самый настоящий симулянт.

Вот только зачем это ему нужно? Кто он? Есть только один способ узнать, так ли это. Но захочет ли он?

– Этого не может быть! – Пальцы Зинаиды Михайловны, выслушавшей мой рассказ, теребили пуговицу халата так, будто она собиралась ее оторвать. – Это противоречит материалистическому учению! Я не верю! Бога нет! Переселения душ нет! А значит… значит, ты все придумал. Ты же писатель, так? Фантаст? Так что ты можешь придумать что угодно! Вот и придумал! Решил бабушку развеселить!

– Какая вы мне, к черту, бабушка? Мне сорок восемь лет! А вам пятьдесят, не больше! И если вас хорошенько одеть, подкрасить, сделать прическу – вы еще хоть куда красотка! Просто сделали из себя серую мышь. Табачищем от вас прет – аж тошнит! Волосы когда стригли у хорошего парикмахера? Изображаете из себя старую комсомолку! У вас глаза синие, очень красивые. Зачем такие уродливые очки?! И руки… пальцы тонкие, как у пианистки… Бесформенная одежда, ни грамма косметики – вот и получилось светило медицины, бесполое существо! Простите… не люблю, когда женщины себя портят. Ведь и стареть можно красиво!

– Это у вас так считают? В вашем мире? – Голос женщины слегка сел, было видно, что она с трудом выталкивает слова. – А для кого мне наряжаться? Мужа нет. Детей нет. Студенты только. После ранения, когда медсанбат разбомбили… я не могу иметь детей. Осколок в живот. А значит, и мужа у меня нет. Дура, не завела ребенка, пока была молода, а потом… потом – все! Не знаю, зачем я тебе это рассказываю… чушь! Все – чушь!

Женщина порывисто встала с табурета, привинченного к полу, заходила по комнате из угла в угол. Волосы ее растрепались, глаза горели, и я вдруг увидел ее другой – увидел ту молодую Зиночку, ровесницу Оли. Пухлогубую, глазастую, стройную, немного нервную, энергичную особу, которая знает себе цену и готова стребовать ее с этого мира. Она и сейчас стройная, глазастая, пухлогубая. Но другая. Как другой становится ветка дерева, прошедшая через пламя костра. Головешка. Обугленная, обожженная головешка.

– Вот что, Миша… ты позволишь себя загипнотизировать? Я введу тебя в гипнотический транс и… поговорю с тобой. Если все так, как ты говоришь… то… хм… в общем, ты позволишь?

Я задумался. Терпеть не могу, когда кто-то копается в моей башке. Без моего ведома. Так-то баба вроде нормальная, не паскуда какая-нибудь… но кто знает? Оленька вон – милое существо, эдакий эльфенок, и что? Шпионила! А эта запишет мне что-нибудь на подкорке, и буду я потом мечтать о посещении «Голубой устрицы»! Оно мне надо?

Да ладно… это все стеб. Давным-давно известно, что никаким гипнозом нельзя заставить человека сделать то, чего он не хочет делать. То, что противоречит его морали. Например, если приказать загипнотизированной женщине совершить какие-нибудь сексуальные действия, внушать, что она хочет заняться сексом с чужаком, а это противоречит ее морали, – она просто проснется. Не станет делать ничего такого.

В детстве я прочитал две очень интересные книжки, издания то ли 60-х годов, то ли 50-х, сейчас уже не помню. Дома у нас откуда-то взялись. Одна называлась «От магов древности до иллюзионистов наших дней», вторая – «Таинственные явления в человеческой психике». Так вот, там очень четко был описан гипноз – что он может делать, а чего не может. Потому, в общем-то, я был уверен, что ничего такого жуткого докторша со мной сотворить не сможет. Тем более что я никогда не слышал о женщинах-гипнотизершах, способных творить всякую такую гадость. Цыганки, обманывающие с помощью гипноза, – таких сколько угодно. Но чтобы гипнозом можно было заставить совершать что-то непотребное – это чушь и бред, страшилки, распускаемые досужими болтунами.

Совсем не в том дело. Не хочется позволять копаться в голове, как не хотелось бы пускать чужака копаться в моем рабочем столе. Ну… ни к чему это! Интимное!

С другой стороны, я понимаю: если сейчас докажу этой женщине, что не обманывал ее, когда рассказывал о себе, то, возможно, обрету в ее лице мощную поддержку. А поддержка мне очень, очень нужна! Чтобы начать зарабатывать писательством, требуется время. А ведь где-то мне надо жить? И самое главное – на что мне жить?

– Хорошо. Я согласен! Только не знаю, поддаюсь ли гипнозу, – сказал я, поудобнее усаживаясь на кровати.

– Сейчас вот и проверим! – кивнула Зинаида Михайловна и достала из кармана халата блестящий шарик, вроде как от шарикоподшипника. Шарик был просверлен насквозь и надет на белую, вероятно, серебряную цепочку.

– Сейчас я буду качать у тебя перед глазами этот шарик, а ты внимательно следи за ним взглядом. Не отводи взгляда. Ни о чем не думай. Смотри на него… смотри… руки теплеют… ноги теплеют… тебе хочется спать… ты засыпаешь… засыпаешь…

Мужчина сидел спокойно, прикрыв глаза, опустив руки на кровать по бокам от себя, и будто бы спал. Зинаида Михайловна улыбнулась уголком рта – все сильные, крупные мужчины мнят себя такими же сильными духом. Они почему-то считают, что загипнотизировать такого богатыря трудно – ведь у него мышцы! Бицепсы! Трицепсы! А на самом деле чем больше они сопротивляются гипнозу, тем быстрее входят в транс. Хотя есть и исключения.

Но сейчас не тот случай. Сейчас – все как надо. Теперь можно будет все и узнать. Вполне вероятно, что этот парень психически болен. Бритва Оккама. Отрезай все лишнее! Не множь сущее без необходимости! Не объясняй объяснимое сложными придумками! Если ты видишь в три часа ночи голого мужика на трассе, ведущей из Саратова в деревню Усть-Курдюм, предполагай, что он спятил или сильно пьян. Но не стоит предполагать, что он прилетел из параллельного мира, где время течет быстрее.

– Как твое имя?

– Михаил.

Точнее надо задавать вопросы, одернула себя Зинаида Михайловна. Ведь сейчас его тоже зовут Михаилом!

– Как тебя назвали родители?

– Мишей.

Она довольно улыбнулась. Фактически парень выбрал из перечня имен то имя, которое ему дали родители. Хорошо сработало. Так, как она и рассчитывала.

– Твое отчество? – она задала следующий вопрос, уже зная ответ.

– Семенович.

– Твоя фамилия? – Это уже очень важно! Вот теперь!

– Карпов.

– Где ты живешь? Адрес прописки.

– Саратов, улица Куленкова, дом тридцать один, квартира десять.

– А где живешь?

– Садовое товарищество «Сосенки», улица Мраморная, триста сорок два.

– Где работаешь?

– Нигде. Дома. Везде.

– Кем работаешь?

– Писатель-фантаст.

Зинаида Михайловна выдохнула, подошла к Михаилу, подняла ему веко. Мужчина сидел не шелохнувшись и на ее действия не реагировал. Он в трансе! Точно, в трансе! Не притворяется!

– Какой сейчас год в твоем мире?

– Две тысячи восемнадцатый.

Сорок восемь лет спустя! О боже… сорок восемь лет! Он и правда оттуда! Что у него можно спросить, пока не вышел из транса? Что? Про космос? Про коммунизм – построили или нет? Глупо как! Вот сидит кладезь знаний за почти пятьдесят лет будущей жизни, а она не знает, о чем его спросить! Ладно, время еще будет, расспросит! А пока что только о том, что важно, – надо проверить его рассказ.

– Как ты здесь оказался? – Глупый вопрос! И сейчас будет такой же глупый ответ. Он же сказал, что не знает. Но вдруг? Вдруг у него есть машина времени?!

– Не знаю.

– Ты попадал в аварию на Усть-Курдюмской трассе?

– Да.

– Ты помнишь все, что происходило за эти сорок восемь лет жизни, начиная с тысяча девятьсот семидесятого года и до две тысячи восемнадцатого?

– Нет.

Глупый вопрос. Конечно, он не все помнит! Если бы у него была фотографическая память, тогда бы помнил. А так… обычные люди что запоминают? Да ничего, по большому счету! Кое-что помнят, кое-что из того, что прочитали, видели по телевизору, слышали по радио. А остальное благополучно забывают, все, что не относится к их жизни. Вероятно, природа сделала это нарочно: как только мозг переполняется знаниями, лишние, неиспользуемые, тут же летят в помойку. Человек вульгарно забывает ненужное.

Но да ладно. Следует спросить кое-что попроще. Например, как он относится к Оленьке. И… к ее начальнице. Что собирается делать в этом мире. Как думает жить. Хоть на это он как раз и не ответит. Слишком сложно. А вот про Оленьку – в самый раз. И еще можно кое-что сделать, прежде чем он проснется. Ну… по крайней мере попробовать сделать. Хуже-то не будет!

– Как ты относишься к Оленьке?

– Я ее хочу. Я на нее сердит.

Ха-ха! Кто бы мог подумать, правда?! Хочет он ее! Глупо было бы, если бы не хотел. А вот почему ты сердит…

– Почему ты на нее сердишься?

– Она шпионила за мной.

И тоже предсказуемо. Парень-то не дурак. Вычислил.

– Как ты относишься ко мне?

– Мне вас жалко.

Ишь ты, черт! Жалко ему! А она-то, она! Язык распустила! Но теперь чего уж… приказать ему забыть? Можно и так. Но зачем?

– Даю тебе задание: ты должен вспомнить все, что слышал, читал, все, что видели твои глаза, слышали твои уши. Ты должен вспомнить все имена, все цифры, что когда-то видел и слышал. Ты должен помнить их четко и ясно, будто прочитал, увидел и услышал только секунду назад. Сейчас я произнесу «раз, два, три», и на счет «три» ты проснешься – отдохнувшим, как после долгого сна. И после пробуждения ты вспомнишь все, что когда-то читал, слышал, знал. Итак, начинаю отсчет. Раз! Два! Три! Просыпаемся!

Мужчина вздохнул, открыл глаза, улыбнулся, увидев Зинаиду Михайловну. А потом весело бросил:

– Ну что, не вышло у вас меня загипнотизировать, правда ведь?

– Кое-что вышло, – улыбнулась врач и ровным голосом попросила: – Прочти мне поэму «Евгений Онегин». С самого начала!

Мужчина кашлянул, недоверчиво помотал головой и начал читать – вначале хрипло, надтреснутым, как от волнения, голосом, потом все тверже и тверже. Лицо его выражало изумление и даже протест – как это так? Как он так может?!

– О господи! – сказал Михаил, прекратив декламировать стихи. – Я в последний раз читал это в школе, да и то не запомнил! Что вы сделали?! Это ведь вы сделали, так?!

– Так, – Зинаида Михайловна удовлетворенно кивнула. – Я хорошо владею гипнозом и постаралась сделать так, чтобы ты мог вспомнить все, что хочешь. Насколько получится, конечно. Что-то ты помнишь лучше, что-то хуже. А кое-что – будто только что прочитал. Почему так происходит, я пока не знаю. Впрочем, сомневаюсь, что узнаю когда-нибудь. Мозг штука темная…

– И исследованию не подлежит, – закончил за Зинаиду Михайловну Михаил, задумчиво потирая лоб.

– Как это – не подлежит? – подняла брови женщина. – Я именно тем и занимаюсь, что изучаю мозг. Исследую его.

– Не обращайте внимания! – вздохнул Михаил. – Это такая… хм… присказка. Мем. Тьфу! Опять анахронизм! Трудно сосредоточиться на этом времени. Я все еще там, в будущем! В нашем будущем. Кстати, посмотрел по газетам – этот мир никак не отличается от нашего. Совсем не отличается! Хотя… по большому счету я его и не видел. Только из окна палаты психиатрической лечебницы.

– Увидишь! – уверенно заявила Зинаида Михайловна и, посмотрев в глаза пациенту, тихо спросила: – Коммунизм построили?

Михаил как-то сразу замолчал, затих, будто угас, и, подняв на нее тяжелый, грустный взгляд, ответил:

– А вы разве не расспросили меня, когда я был в гипнозе? Разве не знаете?

– Нет. Глубокий гипноз держится недолго, и я не сочла необходимым расспрашивать тебя о таких вещах, о которых ты и так мне расскажешь, бодрствуя. Я лишь узнала о ключевых, узловых точках, определяя, лжешь ты или нет, является ли твой рассказ результатом патологических изменений в твоем мозгу. Я знаю теперь твое имя, твой адрес, кое-что из твоей жизни. Больше ничего не спрашивала, мне нужно было еще дать посыл твоему мозгу – «упорядочить воспоминания». Больше ни на что не хватило. Итак, построили

коммунизм? Как живет страна в будущем? Станции на Луне поставили? На Марсе? Что в мире делается?

– Нет коммунизма, – голос Михаила был глухим, как из бочки. – И страны нет такой – СССР. Растащили ее… мрази. Ради своих карманов, ради власти, растащили подлецы. Партия превратилась в сборище старых маразматиков и агентов влияния забугорных разведок. Развалили армию, развалили КГБ, развалили и растащили все, что могли растащить! Республики отсоединились и теперь сами по себе. Некоторые превратились во врагов – Прибалтика, Украина. Идет война на Украине. Там власть захватили бывшие бандеровцы, фашисты, которые делают все, чтобы нагадить русским, России. Донецк и Луганск подняли восстание и сопротивляются власти хунты. Россия им помогает. США помогает Украине, натравливая Украину на Россию, финансируя терроризм и террористов. Долго рассказывать, очень долго. Это разговор не одного часа. И даже не одного дня…

Молчание. Зинаида Михайловна смотрит на Михаила с недоверием и даже неприязнью, и он не выдерживает:

– Ну что вы на меня так смотрите? Думаете, сумасшедший? Придумал? Ведь не придумал же! Спасибо вам – я могу все рассказать едва ли не по часам, как все было. И кто это все сделал. Десятого ноября 1982 года умрет Брежнев, и все понесется под гору. Потом будет Андропов. Он тоже скоро умрет. За ним будет Черненко. За Черненко – Горбачев. Вот этот настоящий подлец. Негодяй. Агент влияния. Он натворит такого, что вам и не снилось! Он отдаст врагам все страны Варшавского договора. Мы уйдем из Германии, не получив за это ни ломаного гроша. И Штаты сразу начнут подкрадываться к нам со всех сторон, обставляя наши границы военными базами и ракетными комплексами. Но они боятся – у нас самое сильное оружие в мире! У нас такое оружие, что за океаном они не отсидятся! Страна, Россия, сейчас очень сильна. Слава богу, у нас теперь такой президент, что его боится и уважает весь мир. Если бы не он… в общем, и России бы не было. Что еще вам рассказать? О том, как при Брежневе введут войска в Афганистан? И как там останутся пятнадцать тысяч жизней наших парней! И сколько их вернется больными, калеками – физически и психически! И сколько денег стоило это безумие! Я был там в восемьдесят восьмом году и до выхода – в восемьдесят девятом. Я выходил с последними советскими частями. А может, рассказать, как Чечня решила стать самостоятельной? Как убивали, резали русских – прямо в домах, их же дорогие соседи? Убивали дома, убивали по дороге, беженцев, когда они пытались уйти в Россию. И что творилось потом…

когда, преданные своими командирами, мы были расстреляны, растерзаны чеченскими боевиками! Как боевики брали заложников, как убивали детей, как захватывали театр в самой Москве! Как подрывали дома и станции метро! Я был там. Я все это видел. И лучше бы я этого не видел никогда…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/1970

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить